

39.3
590

ВАЛЕРИЙ БУГАНКОВ

***ЖИЗНЬ —
ЭТО МГНОВЕНИЕ***

Талаккокок
районкоок судмонекк
к гар он адыра

Иул 1. В. Буракетт.
27.02.2009г.

39.3.

115742-1

590

Буланков В.

Лишь - это
слово

2008

50р.

05

293
590

Валерий Буганков

**«ЖИЗНЬ –
ЭТО
МИГНОВЕНИЕ»**

(Хроникально-документальное повествование)

115742-1 ✓

МКУ Буганковская Районная
центральный ЦС библиотека

Саратов
2008

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦГБ

к

Эта книга Валерия Буганкова складывается из размышлений о быстротечности человеческой жизни. Автор выражает сердечную благодарность своим коллегам-автотранспортникам, оказавшим ему материальную и моральную помощь в издании его четырнадцатой книги:

министру по развитию транспортного комплекса Саратовской области Шейкину С.В.;

директорам автотранспортных предприятий: Варзину В.С, Власову П.Н., Зайцеву Н.А., Зотову А.И., Кирясову С.А., Лаврентьеву К.В., Лукьянову П.Н., Маркину Б.Г., Мызину А.А., Казорину В.Ф., Казыеву А.Г., Кайданову Б.А., Калининко С.В., Костенко Н.Н., Кривенкову А.В., Кудясову В.В., Кузенкову В.А., Савичеву А.В., Сазонову В.Ю., Семенову В.В., Сергиенко И.П., Чиканкову С.А.; директору ООО «Саратовский автоцентр «КамАЗ» Шагабутдихову З.М.;

работникам Министерства и Транспортного управления: Бакаевой Ю.Н., Калинин Н.П., Кузнецовой Р.А.;

сотрудникам ООО «Новый ветер»: Евтееву А.А., Балановой Ю.В., Галицкой В.Н., Шашкиной Т.А., Крючковой С.Е.;

рецензенту Азанову В.И.

«Дела поэта – слова его...»

*Жизнь каждого человека интересна.
Если не в отношении к самому себе,
то в отношении к тому времени,
в котором он жил.*
А. Герцен

Эта книга во многом уникальна: по временному размаху и по широте охвата жизненного материала. В. Буганков проделал колоссальную работу, перекопав целый монблан различных документов, относящихся к тому или иному периоду его жизни. Но перекопать – это еще далеко не все. Надо еще придать единство всему этому многослойному материалу, чтобы он не был подобен ледяному полю, усыпанному глыбами торосов.

И В. Буганкову это во многом удастся. Ибо, пиша обо всем, он пишет всегда о себе. Он как бы вдвигает свою личность в описываемое, пережигает его своей мыслью, сплавляя песчинки в прозрачный хрусталь.

При этом одна очень важная для автора тема дает мягкий лирический настрой всему повествованию. «Единственный Бог, царивший в моем сердце, – пишет он, – это Бог Любви».

В свое время, оценивая поэзию В. Буганкова, я писал: «Нескончаемая цепь переживаний, встреч и разлук лирического героя временами настолько обнажена, выставлена с такой шокирующей откровенностью, что это не могло не эпатировать пуристически настроенную часть читателей». Хотя надо признать, последних в наши дни уже почти не осталось. Интимная лирика, среди зачинателей которой в волжской поэзии мы видим В. Буганкова, сейчас уже почти не вызывает разноречивых мнений. Да и сам поэт в данной книге гораздо более сдержан в описании слепящей магии женской красоты. Тон повествования здесь – спокойный, доверительный, раздумчивый, что вообще-то характерно для многих автобиографических произведений. Может, потому, что описываемые здесь женщины выступают под своими собственными именами, тогда как в стихотворениях – это всего лишь обобщенные лирические героини, что представляет автору гораздо большую свободу в полете своей фантазии.

Хотя и в данной книге ощущается сильная струя сентиментальности в женских портретах, что, несомненно, идет от лирических стихотворений В. Буганкова:

*Точно так же когда-то события зрели,
Помню холод чужой я родного лица.,
В этот тихий предпраздничный день неужели
Наступило начало второго конца.*

Кстати, расставаться ему приходилось часто. Женщины не выдерживали переменчивого образа жизни, связанного по роду его основной работы, как автотранспортника, с многочисленными и длительными командировками. Ему пришлось исколесить почти всю страну. Побывать и за границей. Но без этого, вероятно, не было бы и этой книги. Саратовский поэт Атаулла Кармеев, в прошлом инженер-конструктор, заметил: «Всем самым интересным в себе, даже судьбоносным, я обязан командировкам».

Поэтому, возвращаясь к эпиграфу, предваряющему эти заметки, можно сказать, что В. Буганков интересен и сам по себе, как поэт и человек. Интересен он и в отношении ко времени, в котором жил, показав все это на большом историческом отрезке.

Как писатель, не могу не сказать и еще об одном. Захватывающе интересны страницы книги, посвященные жизни Саратовской писательской организации. Они насыщены массой знаменательных подробностей, ярких характеристик саратовских писателей и т.д. В этом смысле они могут служить весомым дополнением к «Вестникам» Саратовской писательской организации, которые, к сожалению, прекратили уже свое существование. Книга Валерия Буганкова прекрасно иллюстрирует это.

*Владимир Азанов,
кандидат филологических наук,
член Союза писателей России.*

*«От безбожья до бога – мгновенье одно!
От нуля до итога – мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь – ни мало, ни много – мгновенье одно!»*
Омар Хайям

Мне скоро исполнится 70 лет. Я прожил интересную, трудовую жизнь, принесшую несомненную пользу окружающим. Наступила пора подвести итоги.

Моя биография складывается из двух параллельных траекторий: одна – материальная, производственная, другая – духовная, творческая. Кстати, производственная была тоже творческой.

Динамику первой траектории я коротко описал в повести «Записки автомобилиста», о которой накопил огромное количество положительных отзывов. Динамику второй, которая, в отличие от первой, не только не приносила никаких материальных благ, но даже постоянно требовала от меня выискивать средства на ее реализацию и, как хроническая болезнь, не давала и не дает мне покоя всю жизнь, постараюсь отобразить в этой книге.

Скромность – прекрасное, милое качество. Но к ней призывают обычно, чтобы ограничить чьи-то наиболее активные действия. А если я имею другое мнение?

Пусть даже вспомнят обо мне потом,
Ну, а пока обидно и позорно
Валяться на стерне оброненным снопом
И в землю осыпать, как слезы, зерна.

Своим жизненным опытом, который складывается из результатов непрерывной борьбы, соперничества, побед и поражений, удач и неудач, взлетов и падений, восторгов и разочарований, я искренне поделюсь с читателем.

А вывод получается один: жизнь – удивительное мгновение, поэтому в единицу времени нужно стараться сделать как можно больше хорошего для других:

Не «хапнуть» больше, а отдать,
Не избежать недуга, а не заразить!
Не быть любимым, а любить,
Не подминать собрата, а держать,
Вот этому в сознание нужно главным быть!

Когда видишь вокруг себя радостные, благодарные глаза, это — настоящее счастье!

В основе этой книги заложены реальные события, подтвержденные документами. Выводы, сделанные автором, субъективны, читатель вправе иметь собственные мнения и выносить свои оценки всем упомянутым событиям.

Валерий Буганков.

ПЕРВЫЕ КАПЛИ

Конечно, я – дитя Любви. И эту всеобъемлющую любовь я чувствую в себе и вокруг себя всю жизнь. Она меня порою так переполняет, что ее излишки я готов выплескивать на что и кого угодно. (фото № 2)

Первыми каплями на мое зарождающееся сознание были колыбельные песни в исполнении мамы:

«Спи, мой бэби, кудрявый, черный бэби,
Я песенку тебе спою про Африку твою».

Или:

«А у детской кровати тайком
Ты слезу утираешь».

В то время я не очень вдумывался в смысл этих песен, но они отложились в памяти, их иногда вспоминаю и сейчас. Таких песен было много, и все они несли в себе любовь и доброту.

Мама, Семенова Тамара Максимовна, окончив накануне моего рождения Саратовский юридический институт, до пенсии работала адвокатом и жизнь-то познала. А после выхода на пенсию была то кассиром в аптеке, то нянечкой в детской школе-интернате; атеист, оптимист. Воспитывала меня, как могла, одна.

Отец, Буганков Алексей Дмитриевич, профессиональный художник, жил с нами, пока в моем четырехмесячном возрасте его ни призвали служить в армию. А вскоре – война. После войны родители уже не соединились. Любовь к искусству, к красоте, способности рисовать, творить, вероятно, переданы мне от него генами. (фото № 3)

Отчим, Андрющенко Иван Анисимович, появился у нас после войны в 1947 году. Мастер, как говорили, на все руки, очень любил маму, проявлял обо мне отеческую заботу, почти не пытался внушать мне какую-то мораль. Но многое я перенял у него. В частности, владение топором, рубанком и мастерком. (рис. № 4)

Брат, Андрющенко Владимир Иванович, на 9 лет младше меня. С детства – умница и оригинал, в нашей семье – непобедимый шахматист, но здоровье зачастую срывало его планы, а рассчитывать на постороннюю помощь не позволяла его гордость. (фото № 5)

Сейчас родителей нет в живых. Я благодарен им за то, что прожил свою жизнь, не веря никаким богам, надеясь только на свои силы. Единственный Бог, царивший в моем сердце, — это созданный мною самим Бог Любви. К нему я иногда обращаюсь в своих стихах, хотя вовлечь кого-то в свою веру не собираюсь.

В детском садике воспитатель Люба пела нам в основном фронтовые, лирические песни:

«Вьется в тихой печурке огонь...»,

«Вздыхают, жалуясь, басы...»,

«Синенький, нежный платочек

Падал с опущенных плеч...», — а мы, дети, отлавливая из этих песен главное, плакали, слушая и видя Любу. Это были слезы не от обиды, а от счастья быть соучастниками чего-то прекрасного, возвышенного. Звучание этих песен, а также запахи клеенки, покрывающей наши столики, и туалетного мыла в умывальнике с изогнутыми сосками крана я помню и сейчас.

Наверняка, мой садик размещался на территории Городского парка культуры и отдыха им. А.М. Горького (ГПКО им. Горького). Сейчас это одноэтажное здание занимает детская музыкальная школа.

Начальные классы школы, азбука, чистописание. Нас учили, как правильно держать ручку, выводить буквы под определенным углом, с каким нажимом. Я помню не менее десятка разных видов перьев: «рондо», «скелетик», «лягушка», «77» и другие. Некоторые из моих одноклассников научились писать удивительным, каллиграфическим почерком. Например, Борька Петров. Я тоже писал неплохо до тех пор, пока ни появились шариковые ручки. Считалось, что по почерку можно было определить пол, характер, настроение, образованность, изобретательность, семейное положение и даже профессию человека. Человек, некрасиво, коряво пишущий, — недоучка, не уважающий ни себя, ни других, неряха и т.п. Поэтому чистописание было немаловажным элементом воспитания нас, школьников.

Мне нравились многие, так называемые, «блатные» песни, которые наши «очкинские» пацаны знали, пели и переписывали друг у друга, начиная от «Мурки» и кончая «Все знали атамана, как вождя и мастера по делу фехтованья». Я до сих пор помню почти полностью более десятка таких песен.

Однако, победа над фашизмом в Великой Отечественной войне, бурное восстановление народного хозяйства, та постоянная забота о детях и их

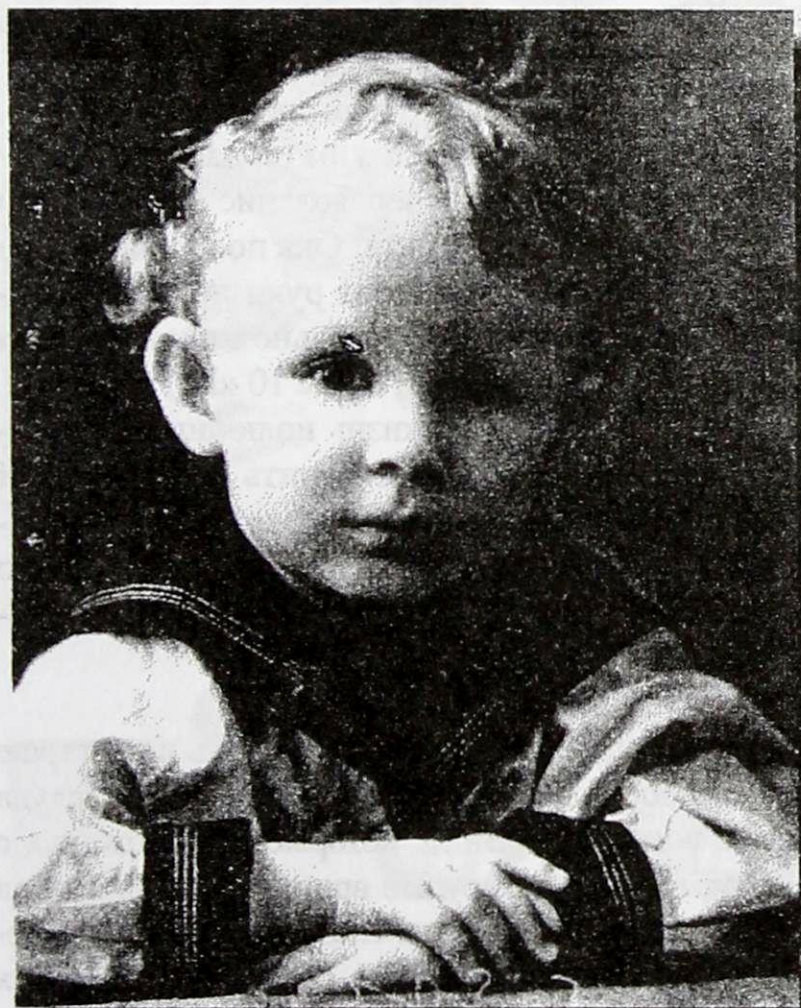

фото 2.
Ноябрь 1939 г.
Мама –
Семенова Тамара
Максимовна и я.

фото 3.
1939 г.
Отец – Буганков Алексей
Дмитриевич.

*рисунок 4.
Отчим — Андрющенко Иван
Анисимович.*

*фото 5.
1953 г.
Брат — Андрющенко
Володя.*

патриотическое воспитание были вполне очевидными. Детсады и ясли не прекращали работать и в годы войны. А позже мать каждое лето имела возможность во время школьных каникул отправлять меня на две, три смены в различные пионерские лагеря, в которых действовали десятки кружков: авиамодельный, фото, рукодельный, хоровой, драматический, литературный, музыкальный, спортивный, библиотеки. Пионерских лагерей вокруг Саратова было много: и на 9-й Дачной, и на 11-й Дачной, и на Кумысной поляне, и ...

Я помню, когда учился в 7-м классе, как плакала вся школа, все мои родные и я, узнав о смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. Потеря и горе были всенародными. Он был гарантом дальнейшего процветания наших республик, наших народов, нашей державы. В том году я вступил в комсомол и дал клятву верного служения своей Родине, своему Отечеству – Советскому Союзу.

В своей повести «Записки автомобилиста» я уже упоминал о том, какое воздействие на меня оказывали уроки русского языка и литературы в старших классах, которые проигрывала с нами моя любимая учительница Дина Матвеевна Гусева. Я в то время поражался многообразию стилей и ритмики стиха Пушкина Александра Сергеевича, каким он написал поэму «Евгений Онегин», и пытался тогда копировать чередование его стилей в своих первых стихотворениях. Но никакого плагиата! Она поощряла, когда тетради по литературе были украшены рисунками от руки портретов писателей, героев их произведений, проходимых по школьной программе, и какими-то причудливыми заголовками. (Фото № 6, класс 10 «Г»)

Благодаря Дине Матвеевне, я на всю свою жизнь полюбил литературу и решил после получения аттестата зрелости поступить в Московский литературный институт имени Горького. Однако, жизнь меня сделала «технарем», Почетным автотранспортником, но основную часть нерабочего времени отдал стихосложению и различным видам рукотворчества: рисованию, чеканке, резьбе по дереву и тому подобному.

Когда мой двоюродный брат Володя (на десять-двенадцать лет старше меня, мы жили в одном дворе) освободился из заключения, он привез оттуда множество трогательных песен, вовсе не блатных, которые самозабвенно, с каким-то внутренним надрывом, пел под гитару. Во время пения он плакал сам и потел. С его носа крупными каплями стекали слезы и пот. Я же, переняв у него манеру пения, перенял и несдержанность слез от чувственных слов и мелодий этих песен.

(Фото № 6. 1956 год. 10 «Г» класс школы №1 РУЖД. В заднем ряду правый – я. Сидит, справа пятая – учитель русского языка и литературы Гусева Дина Матвеевна.

«Молод и горяч жил один скрипач,
Разливая звуки нежной скрипки,
В восемнадцать лет счастья в жизни нет,
И весь мир в одной ее улыбке.
Плачь, скрипка моя, плачь,
Расскажи, как на сердце тоскливо,
Расскажи ты ей о любви моей,
Может быть, она с другим счастлива...»

Эта песня о несчастной любви бедного молодого скрипача к бедной девушке, которая «роскошь предпочла», оканчивалась тем, что юноша от неразделенной, несчастной любви сошел с ума и в безумстве продолжал имитировать свою игру даже тогда, когда ему «казалась палка скрипкой».

Или как не заплакать, слушая песню на слова Алексея Жемчужникова «Журавли» в исполнении Володи?

*«Из какого же вы, из далекого края,
Прилетели сюда на ночлег, журавли?»*

А как пел, аккомпанируя себе на гитаре, младший брат моей мамы, железнодорожник дядя Гора!

*«Из-за острова на стрежень...»
«Сидел Ермак, объятый думой...»
«Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать...»
«Есть на Волге утес...»
«На палубу вышел, сознания уж нет,
В глазах у него помутилось,
На миг увидал ослепительный свет,
Упал, сердце больше не билось...»*

Эти песни с детства осели в моем сознании, и хоть на гитаре я не научился играть, но помню их до слова и всегда, когда слышу, подпеваю в полный голос.

В девятом классе мне и моим однокашникам, Сережке Барышеву и Юрке Павлову, посчастливилось после бессонной ночи подписаться на двухтомник стихов Сергея Есенина, который до того времени считался запрещенным. Некоторые из его стихов мы знали наизусть, переписывали друг у друга.

«Ты еще жива, моя старушка,
Жив и я, привет тебе, привет.
Пусть струится над твоей избушкой
Тот весенний, несказанный свет!»

Казалось бы, разве известные стихи Есенина могли посягнуть на высокую мораль советских людей? Однако, цензура в то время могла найти разлагающие нотки даже в порядке слов и расстановке знаков препинания.

С этими книгами в зеленых переплетах, мне вспоминается, мы и спали, и, просыпаясь, читали нараспев: «Вы помните? Вы все, конечно, помните, как я стоял, приблизившись к стене...» Зачитывались до слез этими стихами и наши девчонки. А Лермонтов? А Байрон? И, если бы мы в то время сами не сочиняли стихов, девчонкам с нами и встречаться было бы не интересно. Мы почти все полвека назад были или поэтами, или молчаливыми неудачниками. Показывая свою удачу в борьбе, боксе, гимнастике, подъеме тяжестей, обязательно старались блистать, перебивая друг друга, в страстных поэтических турнирах.

Наряду с сочинением дружеских шаржей, стихов, посвященным школьным друзьям, нашему парку, ярким событиям, я любил рисовать карандашом, точно копируя с натуры памятники, лица товарищей и родных, уголки природы, портреты Ленина, Сталина, Ворошилова. Любовь к рисованию перешла мне по наследству от родного отца, который после войны работал одним из ведущих художников Саратовского художественного фонда. В школе меня постоянно избирали членом редколлегии. Я оформлял стенгазеты, писал статьи, дружеские шаржи, рисовал карикатуры.

Я неправильно сказал, что любил рисовать, правильнее бы сказать — полюбил на всю жизнь, так как не прекратил этим заниматься и в активном, и в пенсионном возрасте. Мало того, на базе рисования я и сейчас люблю позаниматься чеканкой по металлу, резьбой по дереву, сваркой из проводочных деталей каких-нибудь панно типа «Георгий Победоносец поражает дракона», «Ева», «Адам», «Райская яблоня со змеей» и другими изобразительными работами.

Огромной, дружной, школьной компанией со своими девчонками мы пересмотрели и обсудили весь репертуар оперного и драматического театров. Даже в кино на многие фильмы ходили по коллективным заявкам. До сих пор помню в фильме «Овод» сцену, где Артур обвинял своего отца: «Я вам верил, как богу, а вы обманывали меня всю жизнь!» Или в фильме «Сорок первый», когда девушка-стрелок подстрелила белого офицера, в ко-

того успела влюбиться, кричала ему: «Мой синеглазенький!» – я плакал чуть ли не навзрыд от переполненных чувств. Я не мог сдерживать слез и в такой сцене из «Судьбы человека», когда маленький мальчик спрашивал у пожилой хозяйки хаты: «Меня нашел папа, нужно радоваться, а вы плачете». Нам везде внушали уважение к патриотам, людям труда, бескорыстным, честным, прямым, физически развитым и образованным гражданам нашей великой Родины. Я и сейчас предпочитаю таких людей удачливым, хитрым, пусть даже по-своему умным, предприимчивым, ставшим в одночасье богатыми и т.д. людям.

Со своими одноклассниками мы оплыли на весельных лодках и освоили острова: Зеленый, Казачий и Дынный. Останавливались везде, где кто-нибудь из нас ни увидит что-то для всех интересное, волнующее. И сразу начинали наперебой подмечать незамеченные другими детали и элементы пейзажей. Та красота солнечных восходов и закатов, водной глади, прибрежных кустарников и деревьев, в которой мы выросли, вспоминается мне всю жизнь.

Когда я учился на втором курсе автомобильного факультета Саратовского автодорожного института и захотел купить себе, как некоторые другие мои одноклассники, мотоцикл, летом подрабатывал грузчиком на товарной станции Саратов-2. Вдруг мой отец предложил поработать с ним над изготовлением из папье-маше макетов трупов для медицинского института. Два макета мужского и женского тела с подвижными суставами, с комплектами из трех съемных голов. Одна голова – со стреляной, другая – с рубленой ранами, третья голова – повешенного. В мою обязанность входило наклеивать на внутренние поверхности гипсовых слепков деталей тел и конечностей будущих макетов клочки и полоски бумаги. Слои за слоями, слой за слоем. Потом из просушенных фрагментов склеивать законченные формы конечностей, туловищ и голов макетов. Мой двоюродный брат Володя изготовил к макетам изящные шарниры ко всем гнущимся и вращающимся частям фигур. Отец занимался сборкой и раскраской макетов. Макеты были выполнены в натуральную величину, могли стоять, лежать и сидеть на стульях. Часть из полученных от института денег отец дал мне. Я до сих пор помню запах клея – сладковато-тошнотный. С тех пор усвоил одно: любое творчество требует кропотливого труда, сосредоточенности и времени.

Сколько прекрасных культурных мероприятий организовывало для нас, студентов, руководство института. Больше всего мне запомнились концерты Эдди Рознера и молодой Эдиты Пьехи.

Я очень любил посещать различные выставки и музеи. Пользуясь случаем, во время командировок находил всегда возможность пройтись по залам «Эрмитажа», «Третьяковки», Дрезденской галереи, Русского музея, музеев им. Пушкина, Радищева и многих других, включая почти все дворцы в окрестностях Петербурга. Красота обвораживает и гипнотизирует. У некоторых картин и статуй мог стоять часами.

Я возлагал цветы и ночевал у памятника Пушкину на Черной речке, читал свои стихи у обелиска Лермонтову на горе Машук и в «Гроте», у обелиска на Алтынной горе воинам-автомобилистам, погибшим во время войны, преклонял голову у памятника Матери-Родины на Мамаевом кургане. Я был неоднократно на местах боевой славы нашего народа: в Севастополе, на Курской дуге, в Сталинграде, у памятника русскому солдату с немецкой девочкой на руках и у рейхстага в Берлине. Ездил в Гори к домику, в котором родился Иосиф Джугашвили-Сталин. Бродил по Ленинградскому Некрополю, клал букеты цветов на могилы Сергея Есенина и Владимира Высоцкого в Москве на Ваганьковском кладбище, стоял у кровати, на которой умер Лев Толстой. Да мало ли где я побывал, погоревал, облегчил душу, обогатился. Я не потерял желания посетить другие памятные места, да потерял в последние годы возможность этого.

Все, описанное выше, сформировало мои понятия и вкусы и в какой-то степени нашло свое отражение в моих сочинениях.

*«Мы — цель созданья, смысл его отменный,
Взор Божества и сущность зрячих глаз.
Окружность мира — перстень драгоценный,
А мы в том перстне — вправленный алмаз».*

Омар Хайям

РОДНИКИ

С 1961 года

Кончилось время перьевых ручек, наступила пора ручек шариковых. Почерк многих испортился настолько, что теперь по нему ничего нельзя определить.

После окончания в 1961 году автомобильного факультета Саратовского политехнического института, я не стал цепляться за реальное предложение остаться в Саратове, а поехал по направлению работать в Коми АССР. Среди набора вещей, взятых из дома, были две толстых общих тетради, исписанные моими юношескими стихами, и скрученные в рулон листки ватмана с карандашными набросками портретов друзей, подруг и очень популярных в то время киноартистов. Сейчас я помню, что среди них был нарисованный мной портрет Люси Самохваловой, девочки из параллельного класса, художественной гимнастки и золотой медалистки, в которую были влюблены я и некоторые мои друзья. В рулоне были портреты юных кинозвезд: Бриджит Бордо, Клавдии Кардинале, Анастасии Вертинской и других. Я еще тогда был согласен с категоричным мнением одноклассника Сережки Барышева, что самые красивые существа в мире — это змеи, лошади и женщины.

В поезде «Москва – Воркута» я ехал на верхней полке. Напротив лежала выпускница нашего института со строительного факультета Инна Голубь. Под нами разместились ее однокурсница Валя (не помню фамилии) и мой однокурсник Лисенков Валек. Вертясь на полках, мы экспромтом, полупшепотом, непрерывно декламировали друг другу только что пришедшие на ум стихи.

В Сыктывкаре, пока я оставался холостым, продолжал посвящать бессонные ночи сочинению страстных стихов лучшим образцам местных красавиц и записывать их в новую общую тетрадь, разлинованную в клетку. Пополнялась и галерея портретов, приклепленных к стенам комнаты семейного общежития, которую мне выделило руководство Коми автотреста, как молодому специалисту. Конечно, я, начиная свою трудовую карьеру с должности старшего механика грузового автохозяйства, и не мечтал где-

то публиковаться, относился к своему сочинительству и художеству, как к приятному увлечению, хобби. Реакция друзей, слушателей и зрителей меня вдохновляла на новые «шедевры».

Это продолжалось до того момента, пока я ни женился на молодой закройщице мужской обуви Капиталине Александровне Евлановой, которую после новогодних праздников привез туда из родного города. (Фото № 7)

Она была моим первым принципиальным критиком, цензором и судьей: «У тебя везде — одни девки!» И сразу навела порядок в комнате и в моих мозгах. Чтобы приблизиться к ней, не унижать ее разницей в нашем образовании (она к этому времени окончила девять классов средней школы и профучилище при Саратовской обувной фабрике) и избежать дальнейших семейных осложнений (ведь избранница — на всю жизнь), я, пристыженный и оскорбленный, разорвал и сжег все свои «шедевры» у нее на глазах в мусорном ведре. Но все равно я не мог не любоваться удивительными видами заснеженной тайги, когда за рулем автомобиля мне приходилось ездить по «лежневкам» и «зимнику».

«Когда мороз шалил за пятьдесят,
И треск ветвей нес эхо круговое,
Как будто в заповедных тех лесах
Не в шутку разъярились зверобои.

И будто бы в разгаре дивных снов
Рулил тогда по временным «лежневкам»,
Средь снежных крокодилов и слонов,
И не подвержен был ни сплетням, ни издевкам...»

Одним из постоянных наших друзей в Сыктывкаре, да и после возвращения в Саратов, был начальник автотехснаба Коми автотреста Абрамович Аркадий Нахимович. Услужливый, красивый холостяк, интеллигент, один из тех немногих моих друзей, кому Капиталина разрешила бывать у нас дома. Он любил рассказывать о своем детстве разные смешные истории, например, как он «писался» в штанишки до восьми лет, и петь приличным тенором свою коронную песню «Пропажа».

«Будут годы лететь, как в степи поезда,
Я уеду совсем, нет и адреса даже,
И тогда ты заплачешь: «О, единственный мой,
Где тебя мне найти, дорогая пропажа?»

Продолжить учебу Капиталине по разным причинам не удалось. И в течение пяти последующих лет совместного проживания в свободное от основной работы время моим главным хобби стали: сначала попытки улучшить материальное состояние семьи путем подработок, обустройство семейного очага, постоянное беспокойство о здоровье супруги, переезды то в Троицко-Печорск, то на родину, в Саратов. Потом – появление дочери Инночки.

Аркадий поступил на заочное отделение Саратовского политехнического института и дважды в год приезжал в Саратов на весеннюю и зимнюю сессии. Каждый раз навещал нас с Капиталиной. Рассказывал северные новости, вносил какую-то теплоту в нашу с Капой остывающую взаимность. (Фото № 8)

Однако, после нашего шумного развода, размена полученной двухкомнатной квартиры и разного, вытекающего из этого, я Аркадия у себя больше не видел, но до меня доходили слухи, что он все же окончил институт, женился на саратовке, евреечке Ирине. В 1966 году она родила ему сына Романа. А через год умерла, оставив Аркадия с сыном без женской ласки и заботы. Аркадий перевелся в Ухту директором автохозяйства. Когда сыну исполнилось три года, в результате несчастного случая погиб и сам Аркадий. Какой непредсказуемой и коварной может быть судьба. Воспитанием Романа занялся брат Аркадия – Лейба. В русской родне в подобном случае мальчика, сироту, скорее всего, ждал бы детский приют. Так оборвалась единственная моя связь с Коми АССР.

С 1967 года

Первое стихотворение после многолетнего перерыва, сохраненное до сих пор, было написано ночью под девятнадцатое ноября 1967 года, после посещения мною нового места жительства Капиталины и дочери Инночки. Я был поражен выбором бывшей жены в свои любовники «майора медицинской службы» (по ее сбивчивому оправданию), открывшего мне утром дверь. Его растрепанное обрамление незагорелой плечи, черные, почти до колен трусы и отвисший через резинку жирный, дряблый живот настолько впечатлили меня, что я, подтянутый, спортивный и красивый, еле дотерпел до вечера. А к утру появилось гневное обращение к своей бывшей супруге:

«...Да, теперь ты вольна, у тебя все в порядке:
Твоя жизнь так ярка, как и твой цвет волос,

И старик — твой любовник, и деньги, и тряпки,
И постель, и табак, и коньячных пять звезд».

И, наконец:

«Гордо жить и любить,
лучше смерть, чем продаться,
И открыто смотреть взором честных людей —
Вот основа большого человеческого счастья,
Но она далека от морали твоей».

Я очень тяжело переживал развод, депрессировал, не терпел никаких общений и, тем более, сочувствий и советов. Ни к какому творчеству и водке тоже в тот момент меня не тянуло. (Фото № 9)

А дальше — вновь ожидание чего-то необыкновенного в каждой очередной женщине, иллюзии, что радость первых встреч никогда не кончится:

«С тихой, словно музыка, улыбкой,
С чуть заметной грустью в голубых глазах
Ты давно мне стала такой родной и близкой,
Но не жизни, только в мыслях или снах».

И вот перед наступлением нового 1968 года — снова разочарование:

Точно так же когда-то события зрели,
Помню холод чужой я родного лица...
В этот тихий, предпраздничный день неужели
Наступило начало второго конца?

***

Ты стремительно вышла, не простившись при этом,
Бросив вдруг с сожаленьем, что потерял весь день,
И пиджак замер висло, не успев стать одетым,
Да и сам в полдвиженье я застыл, словно пень.

Тихо черное небо пух холодный роняет.
«Что случилось?» — подслепом удивился сосед.
«Ничего, просто так, в жизни всяко бывает», —
Что еще мог сказать я соседу в ответ».

Но все-таки мы с Генераловой Галиной Александровной поженились и прожили, как мне казалось, в мире, согласии и счастье около девяти лет. За это время она окончила медицинский институт, родила дочку Юлечку. (Фото № 10)

Я прошел несколько должностных ступеней. Опубликовал несколько производственных, организационных статей в газетах «Автотранспортник», «Коммунист», Курской и Белгородской «Правдах». Но не написал ни одного стихотворения. Я был очень озадачен и серьезен, поддерживая теплые отношения с «мастерами острого пера», такими как журналисты и члены редколлегии «Автотранспортника» Сергей Иванович Казовский и Аркадий Семенович Генсон. (Фото № 11)

Среди моих новых друзей, в основном, сотрудников, производственников, появились такие творческие люди, как главный редактор газеты «Автотранспортник» Тайков Борис Николаевич, поэт и очень лиричный человек, и главный режиссер сельскохозяйственных передач Саратовского телевидения Ерошкин Геннадий Матвеевич.

Тайков каждый раз в машинах во время наших совместных командировок беспрерывно читал свои стихи. Он автор книги о моих коллегах, автотранспортниках – «Серебряные версты», готовил к изданию свой сборник стихов. Я их критиковал и нахваливал, а сам заряжался и настраивался на сочинение своих стихов после столь длительного творческого застоя.

Ерошкин, бывший артист театра им. К. Маркса, участник Великой Отечественной войны, в ходе подготовок различных телепередач обо мне и внедрении передовых методов перевозок грузов и пассажиров, подробно знакомил меня со своей автобиографией и впоследствии стал скромным, сдержанным, деликатным редактором некоторых моих свежих стихотворений. (Фото № 12)

С ним мы снимали и показывали по телевидению работу полевых, передвижных автогородков, центров управления перевозками зерна, которые в то время организовывал я. С ним и с тогда еще перспективным тележурналистом Анатолием Филипповым, который через четверть века станет директором Государственной радиотелевизионной компании, мы немножко отдохнули в расчудесных Черемшанских лесах Хвалынского района.

Более пяти лет я работал начальником пассажирской службы Приволжского территориального транспортного управления. Помимо организации работы пассажирского автотранспорта на городских, пригородных и

междугородных маршрутах области, я выполнял заявки театров, цирка, филармонии и дворцов культуры на подачу автобусов к окончанию вечерних спектаклей. Поэтому у меня были постоянные приятели среди администраторов этих культурных учреждений. Среди них: главный администратор СГТО и Б им. Чернышевского Прохоров Виктор Федорович и администратор Калюжная Мария Юрьевна, зам. директора ТЮЗа Мазаев Александр Степанович, зам. директора филармонии Богатский Константин Петрович, администратор кукольного театра «Теремок» Павлова Капиталина Ивановна, главный администратор драматического театра им. К. Маркса Васильченко Валентина Ивановна и другие. Так что в любое время я в этих заведениях был желанным гостем и иногда пользовался их приглашениями, т.е. повышал культурный уровень свой и своей жены.

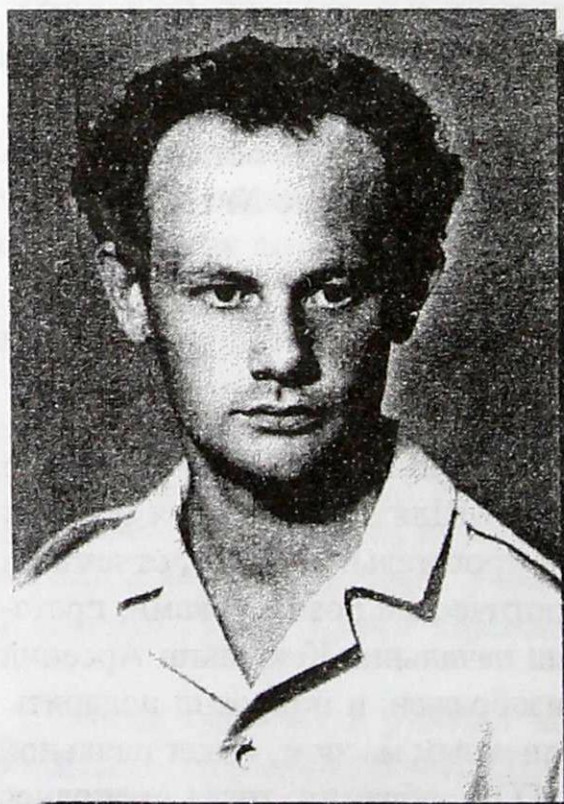
После того как, не выдержав моего безрежимного образа жизни, связанного с постоянными командировками, меня бросила Галя и уехала с дочерью в г. Ленинск на Байконур. Я, став вновь холостяком, увлекся рисованием и чеканкой. На рисунках изображал ее портреты с огромной шишкой уложенных жгутами плотно скрученных, темно-рыжих волос, нашу с ней первую близкую встречу в палатке на берегу Волги, нашу прогулку по склону холма на фоне села Буркино. На чеканках — маленькая дочка Юлечка в моих объятьях, обнаженная Галя, почти полностью прикрытая своими распущенными, густыми и длинными волосами. Часть тех рисунков и чеканок я подарил через несколько лет Гале, отправив ей их бандеролью в Минск, куда она переехала с дочкой и своим новым мужем. А часть осталась мне на память и сейчас украшает стены подвала моей дачи. (Фото № 13, № 14)

С 1975 года

Вскоре я влюбился в молоденькую, симпатичную секретаршу своего начальника транспортного управления Люсю Шляхтину, которая была на десять лет моложе меня. Писал ей нежные, трогательные стихи, отчеканил ее на бронзовой фольге обнаженной в эротической позе с руками, протянутыми к солнцу. Эту чеканку увидел наш начальник Кокушкин Арсений Алексеевич, конечно, понял, кто на ней изображен, и попросил подарить. Когда я закончил панно, протравил подсолнечным маслом, обжег паяльной лампой, отполировал войлоком с пастой ГОИ, обрамил, тогда преподнес

*фото 7.
Сентябрь 1961 г.
Я с Капиталиной Александровной
Евлановой в Сыктывкаре.*

*фото 9.
Июнь 1967 г.*

*фото 8.
1964 г.
Абрамович Аркадий
Нахимович.*

фото 10. 1973 г.

Я, дочка Юлечка и Галина Васильевна Генералова.

фото 11.

Ноябрь 1973 г. Казовский С.И., Генсон А.С. и я.

ему в день рождения с дарственной надписью на обратной стороне рамки. И лет пятнадцать эту чеканку я не видел. За эти годы мы с Люсей поочередно ушли из-под покровительства шефа, она окончила экономический институт. Мы поженились и счастливо прожили вместе восемнадцать лет, до развала Советского Союза, до начала развала автотранспортной отрасли, в которой я самоотверженно проработал к этому времени более тридцати лет. Сменили тройку машин, объехали на них Крым, несколько раз Черноморское побережье Кавказа, Белоруссию, Прибалтику. Ездили в Ленинград, неоднократно в Москву. Получили двухкомнатную квартиру у телецентра, вместе построили дачу в красивейшем месте на левом берегу Волги у села Подгорное. Люсенька была обаятельной, веселой, эмоциональной, ласковой, незлопамятной, немного легкомысленной, взрывной и непредсказуемой. (Фото № 15)

С первого дня знакомства и до последнего дня совместной жизни, можно сказать, я не знал с ней покоя и разрядку находил в сочинении редких, но, на мой взгляд, хороших, душевных стихов и даже поэм. Несмотря на желание и стремление, занять собственных детей нам не удалось.

Зато друзей было много. Однажды, зайдя в гости к одному из них, Бабушкину Игорю Павловичу, я увидел на стене свою Люсю, отчеканенную мною и подаренную шефу лет пятнадцать назад. Хозяин рассказал, что подобрал ее на корабле «Фурманов», где была персональная каюта Арсения Алексеевича. «Фурманова», который был пришвартован к дебаркадеру базы отдыха «Чайка», готовили к капитальному ремонту, поэтому из него выносили все содержимое. Показав другу свой дарственный автограф на обороте, я отобрал чеканку, и она до сих пор висит у меня на даче. (Фото № 16)

Расстались мы с Люсей после того, как, неожиданно даже для себя, она во время прогулки со своим пуделем познакомилась и влюбилась в женатого мужчину, на десять лет моложе себя. Она сразу мне в этом призналась. Я ее тут же отпустил. Она увела того от жены и привела в квартиру своих родителей. При разводе мы легко поделили имущество: нашу квартиру — мне, дачу, мебель на выбор и определенную сумму денег — ей.

В эти годы мне приходилось несколько раз возглавлять Саратовские областные сводные автоколонны, численностью более двух тысяч автомобилей. После уборки зерновых культур в нашей области эти автоколонны, обычно, в соответствии с Постановлением Совета министров РСФСР, направлялись на вывоз сахарной свеклы в Воронежскую, Тамбовскую, Курскую или Белгородскую области и в Краснодарский край. Конечно, жены не могли пережи-

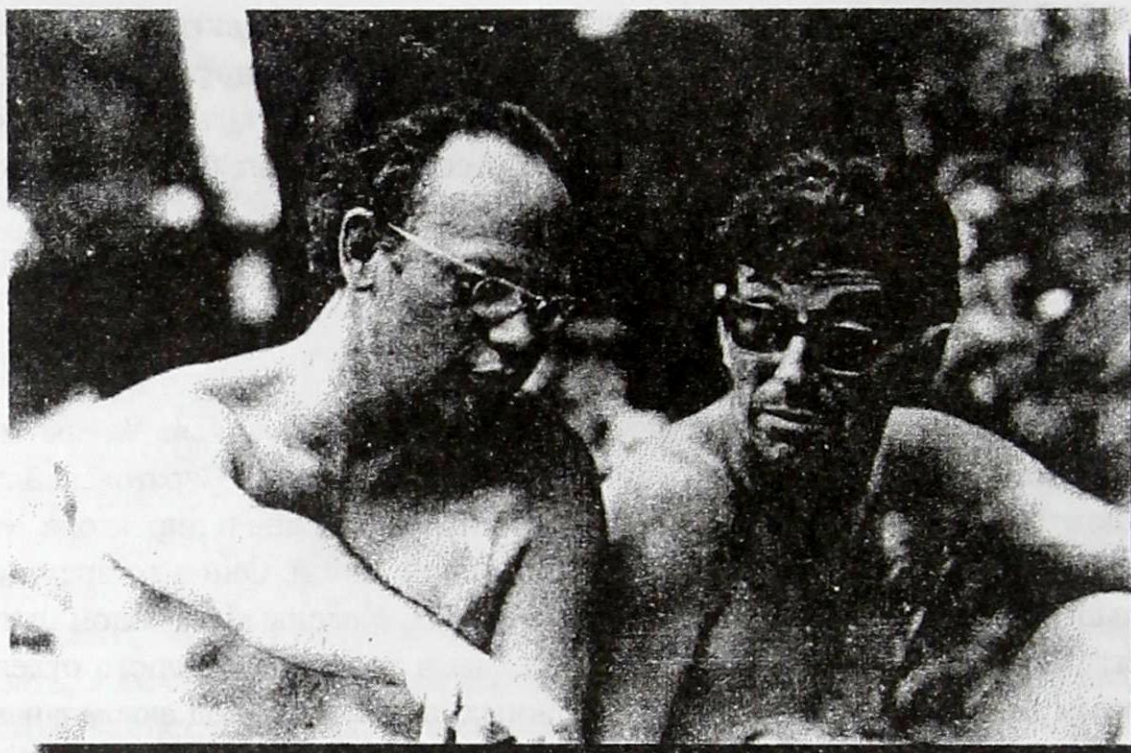
вать 8, 9-ти месячные разлуки, накапливали обиды, выдвигали невыполнимые ультиматумы и разводились со мной, надолго травмируя и себя, и меня.

В таких командировках порой приходилось встречаться с интересными, творческими людьми, оставившими о себе приятные воспоминания.

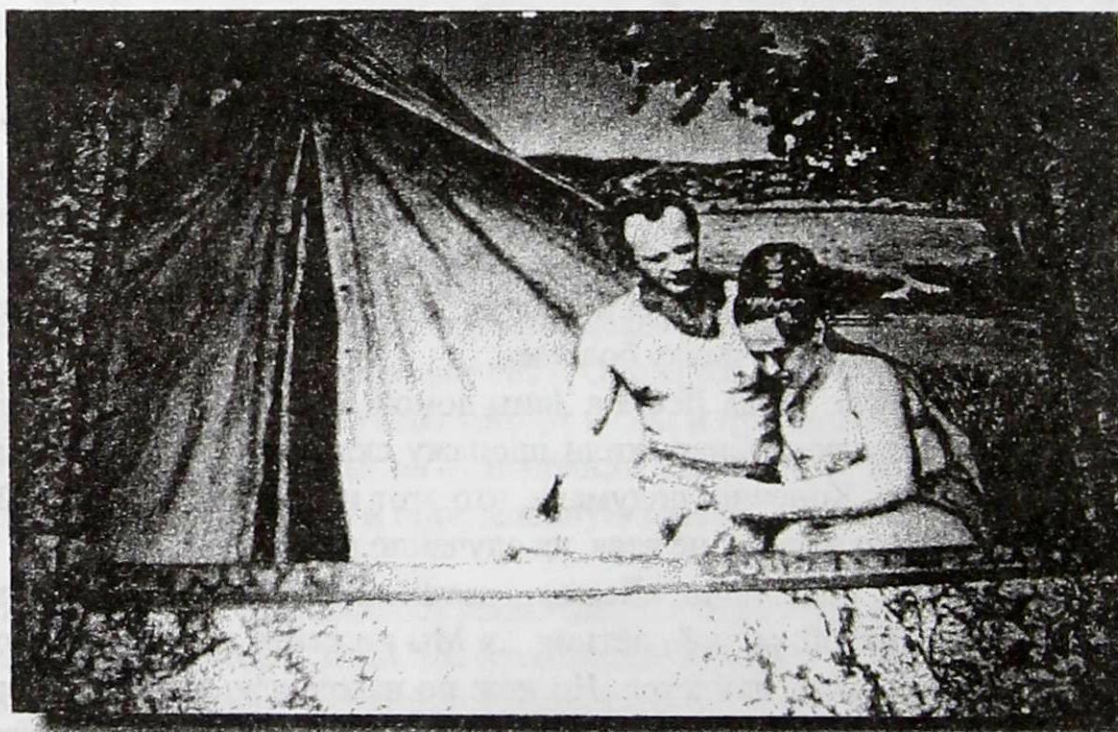
1976 год

Гостиница «Курск». Я занимал трехкомнатный «люкс». Члены моего штаба жили в более скромных номерах. К нашей дружной Саратовской группе автотранспортников неожиданно примкнул сын певца и директора театра «Ромен» Николай Сличенко – Алексей с женой Зиной. Они в то время с небольшой труппой были в Курске на гастролях. Красивый молодой цыган в светло-сером, блестящем костюме, лацканы и воротник которого отделаны черным шелком, и в черных лакированных штиблетах. Под аккомпанемент двухгрифной гитары он пел трогательным тенором. Она – красивая, молодая, гибкая цыганка с басистым голосом. Город был перенасыщен афишами с их изображением. Каждый вечер после концерта они успевали присоединиться к нашему ужину, украшали его своим цыганским пением и выходками. После ужина в ресторане переходили обычно в номер моего технорука Володи Янина и в более скромной обстановке продолжали вечернюю трапезу. Алексею требовалось совсем немного времени, чтобы за наши деньги достать сколько угодно водки в ночное время, когда все торгующие зельем точки были закрыты. На наш удивленный вопрос: «Как тебе удалось это?», он с поразительной белозубой улыбкой отвечал: «Очень просто. Я заехал в ближайшее отделение милиции и потребовал пару бутылок водки. Они меня сразу узнали, куда-то съездили и привезли на бутылку больше».

Однажды, после ухода Леша и Зины домой, мы, убирая со стола грязную посуду и объедки, обнаружили пропажу складного ножа с красивой красной рукоятью. Конечно, подумали, что этот нож прибрал Алексей. На другой день на наш вопрос, не взял ли случайно наш ножик, Алексей, чуть не плача от обиды, восклицал: «Если я – цыган, значит можно считать меня вором? Клянусь папой, мамой, детьми...» Мы не знали, как его успокоить. Да черт с этим ножом, найдется. Но нож не находился. Как-то, во время очередной встречи я сказал ему: «Леша, ведь мы хотели тот нож подарить тебе». Его глаза счастливо заблестели, он из внутреннего кармана пиджака вытащил наш нож и, как ребенок, спросил: «Правда, что ль, вот этот?» –

*фото 12. 1975 г.
Я с Ерошкиным Геннадием Матвеевичем.*

*фото 13.
Картина «С милой рай и в палатке».*

фото 15.
Я с Шляхтиной Людмилой
Ивановной. Иллюстрация из
сборника «Стихи».

фото 14.
Чеканка «Девичьи мечты».

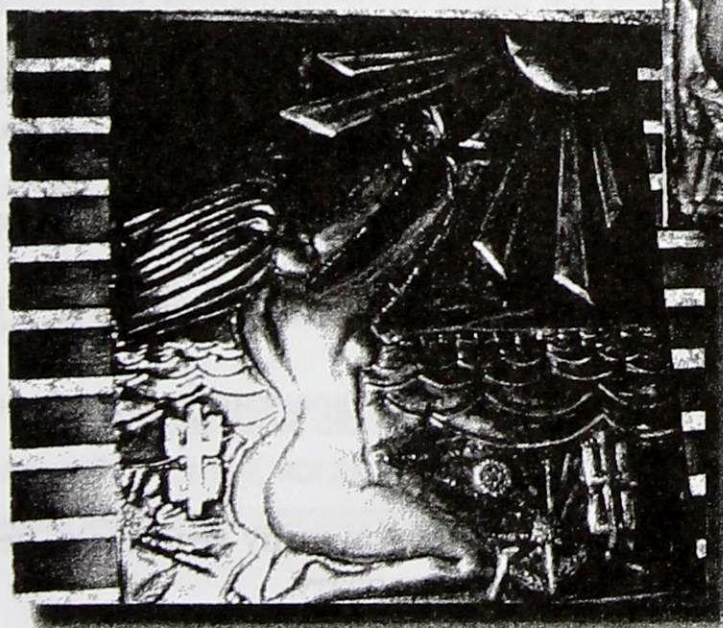

фото 16. Чеканка
«Солнце, воздух и вода».

«Ну, конечно, этот», — «Ну, спасибо!» И с обаятельной улыбкой он снова спрятал нож в свой карман. И всем стало радостно и легко.

В одну из встреч Леша сообщил, что его отец звонил ему и обещал приехать в Курск на Октябрьские праздники. Встретиться с живым Николаем Сличенко стало для нас величайшим из желаний. К его приезду мы купили и зарезали барана, намариновали два ведра шашлыка, накупили водки и закуси. Но праздники встретили лишь в компании Алексея и Зинки, не дождавшись появления знаменитого цыгана.

1980 год

Очередной майский отпуск провели на машине в путешествии по маршруту: Саратов — Воронеж — Белгород — Минск — Вильнюс — Рига — Таллин — Ленинград — Москва — Саратов. Около 5000 километров. Остановки на ночлег там, где хотели. В Ленинграде, на Черной речке подъехали прямо к обелиску на месте дуэли Пушкина с Дантесом. Подъехали в начале белой ночи. Рядом никого из людей не было, вернее, уже не было. Положили на плиту букет цветов, постояли, отошли к машине и решили ночевать тут, у обелиска. Люся разложила сиденья и постелила постель. Мы разделись до плавок, залезли в машину, включили музыку, расположились ужинать. Только выпили за Пушкина по паре рюмочек вина и начали закусывать, как услышали стук в правое переднее стекло. Стекла изнутри запотели, и пока я ни протер его ладошкой, не видел, кто нам стучит. Около машины стояли два милиционера. Я, как был в плавках, так и выпрыгнул к ним. Не дожидаясь суровых вопросов, радостным голосом начал:

— Ой, здравствуйте, ребята! А мы из Саратова приехали, в Ленинграде свободных гостиниц нет, решили с женой переночевать около памятника Пушкину и возложить ему цветы. Давайте за него выпьем?

— Нет, нам нельзя, мы на дежурстве. Вы разве не знаете, что в парковую зону заезжать на машине нельзя?

— Мы не знали, что здесь парковая зона, ведь никаких знаков нет. Ну, раз уж к вам въехали, вы нас не гоните.

— Ну, ладно, мы дежури́м до 7 утра. К этому времени уедете. А пока отдыхайте, в случае чего, мы близко.

— Спасибо, ребята.

Я залез в кабину, и мы спокойно продолжили нашу вечернюю, забываемую трапезу рядом с обелиском Великому поэту.

1982 год

Белгород. Сюда со своей автоколонной я приехал уже во второй раз. Конечно, областное руководство встретило меня, как самого почетного представителя Саратовской области. Выделило в мое распоряжение два трехкомнатных «люкса»: один — лично для меня, другой — на случай приезда кого-нибудь из моих начальников или из нашего облисполкома. Члены моего штаба размещались в хороших двух- и однокомнатных номерах со всеми удобствами. Самая передовая спец. связь была подключена к моему номеру и номеру, выделенному под диспетчерскую автоколонны. Директор гостиницы заходил иногда ко мне в номер, вежливо разговаривал и благодарил за предложенную рюмочку коньяка.

Однажды он позвонил мне и попросил разрешения войти. Я, конечно, пригласил его к себе, не зная причины столь предупредительного звонка. «Валерий Алексеевич! — начал он. — К нам на гастроли приехала Ирина Понаровская, а у меня все трехкомнатные номера заняты. Вы не могли бы ей уступить на недельку свой гостевой номерок?» Мне и раньше в других областных центрах порой приходилось на несколько дней уступать свои лучшие резервные номера выдающимся гостям по убедительным просьбам директоров гостиниц. Среди них были космонавты, секретари обкомов партии, Герои Советского Союза и другие. На этот раз я разрешил поселиться по соседству и воспользоваться содержимым холодильника Ирине Понаровской. Вечером по телефону она поблагодарила меня за доброту и передала для меня и моих сотрудников несколько пригласительных билетов на ее концерты. Я, сидя в первом ряду перед нею, ловил на себе ее благодарные, непродолжительные взгляды, думал, что она прекрасно знает, кого пригласила на это кресло, и отвечал на ее, только для меня одного понятные взгляды и жесты, своими аплодисментами, восторженными возгласами и счастливой улыбкой. С тех пор она, может быть, и забыла обо мне, а я считаю ее своей подругой и слежу за ее судьбой.

Незабываемой оказалась туристическая поездка в ГДР и Чехословакию в 1984 году, когда удалось посетить Дрезденскую галерею и лучшие памятники этих дружественных нам государств.

С 1986 года

С тех пор, как меня назначили начальником Управления снабжения облсельхозтехники, мне часто приходилось ездить в Москву «выбивать» дополнительные фонды на металл, машины и товары производственного назначения. Главное управление «Россельхозснаба» располагалось на улице Пушкина почти напротив театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. И каждый раз я, до предела озадаченный, по этой улице от Красной площади совершал свой служебный променад.

Так было и тогда. Я уже подходил к своему Управлению, как прямо на меня, стремительно пересекая улицу Москвина, чуть ли не налетает Махмуд Эсамбаев. От неожиданности я встал, как вкопанный. Он, наткнувшись на мою сияющую физиономию, вероятно, принял меня за «своего», гордо поправил черную, каракулевую папаху, обнял и заговорил:

– Привет, дарагой! Как давно мы с тобой не виделись и вот, надо же, встретились! А я – с репетиции. Ну, как твои дела?

– Нормально. А как Ваше здоровье?

– Тоже нормально. На мой концерт придешь?

– Конечно, приду.

– Ну, до встречи!

– До встречи!

Мы пожали друг другу руки. Конечно, если бы у нас было больше времени, мы нашли бы о чем поговорить, но он, ошарашенный неожиданной встречей со мной, вероятно, весь день будет вспоминать, кто же я такой и откуда он меня знает.

А я, обнявшись со всем известным народным артистом Советского Союза, Героем Социалистического Труда, и мимоходом перекинувшись с ним несколькими теплыми фразами, остался счастливым и удачливым человеком до конца своей командировки, так как после моего легкого упоминания об этом, девчонки из Главка старались подкинуть мне побольше дефицитных товаров и дополнительных фондов.

В каждую свою поездку в столицу я старался посетить какое-то памятное место. Однажды стоял в безнадежной, неприступной и разъяренной очереди у кассы концертного зала им. Чайковского, желая купить билет на поэтический вечер Андрея Вознесенского. Когда оставалось до заветного окошка два человека, к кассе протиснулась симпатичная, молодая женщина и, протягивая какую-то корочку удостоверения, заговорила:

— Я — мать шестерых детей. Мне муж разрешил сходить на этот вечер. Разрешите взять без очереди билет.

Никто не возразил, напротив, «очередники», в том числе и я, создали ей безопасный коридор. Она купила билет. А в окошке появилась табличка: «Билеты все проданы!» И, тем не менее, все остались в душе довольными удачей этой молодой, симпатичной мамочки.

В эти годы я почему-то углубился в воспоминания (а вспомнить было что) и вновь серьезно увлекся стихами. Вот своей жене Люсе я посвятил много и любовных, и полных драматизма стихов. В них все: и бессонные ночи, и радость, и слезы, искренность и полнейшая откровенность. Писал, о чем думал, только для себя, не стараясь кому-то угодить, понравиться, подчиниться каким-то законам или правилам. Тематику дополняли стихи с откликами на любые события, происходившие в жизни моей и моей страны. Первым, кому я доверил их прочитать, стал Ерошкин, он был моим добрым и придирчивым критиком. Это он признал их интересными и посоветовал мне не накапливать, а постараться издавать их небольшими сборниками.

По его совету, некоторые стихи еще в 1987 году я начал отправлять в редакции различных газет и журналов и получал отовсюду трогательные ответы с отказами напечатать, например:

6.05.1987 г. — литконсультант редакции журнала «Огонек» Анна Гедымина известила меня: *«Внимательно прочитали Вашу поэму «Мой дом — вся Россия». К сожалению, вынуждены Вас огорчить: для публикации в «Огоньке» она не подходит, поскольку не соответствует высоким требованиям, предъявляемым журналом к поэзии».*

19.11.1987 г. — зав. отделом литературы журнала «Смена» В. Винокуров сообщил: *«Ваши стихи, присланные ранее, конкурс не прошли. В конкурсе Вы можете принимать участие неоднократно, соблюдая его условия. Всего доброго».*

25.03.1988 г. — литконсультант журнала «Крестьянка» Новиков ответил: *«Мы внимательно прочитали Ваше стихотворение «Женщинам», но опубликовать его, к сожалению, не можем. Искренний тон стихотворения, душевная причастность к заболевшему не вызывает никаких сомнений. Мы разделяем Ваш благородный пафос, но первое требование, предъявляемое нами к поэтическому тексту — это художественность, которой все-таки недостает Вашему сочинению. Всего доброго. С уважением».*

15.12.1988 г. — литконсультант редакции журнала «Смена» Н.А. Лудяков известил: *«Ваши стихотворения мы прочитали и рассмотрели с вни-*

манием и доброжелательностью, однако все-таки должны признаться, что к самым удачным и ярким произведениям в редакционной поэтической почте нам их отнести не удалось. В итоге вынуждены, к сожалению, сообщить, что подобрать что-либо в Вашей рукописи для журнала мы не смогли».

7.04.1989 г. – зам. редактора отдела сельского хозяйства газеты «Советская Россия» В. Михайлов написал: «Уважаемый Валерий Алексеевич! Благодарим Вас за добрый порыв, но стихов мы печатаем очень мало, при том жестком отборе, который ведет редакция, Ваши стихи конкурса не выдержат».

Получая такие неутешительные ответы, я не отчаивался, продолжал сочинять, и только сам предъявлял к своим новым сочинениям повышенные требования.

Иногда читал их различным слушателям. В эти годы я довольно регулярно «тусовался» в поэтическом клубе при кафе «Ротонда» на Бабушкином взвозе, которым руководил, если не ошибаюсь, Сергей Рыженков. Там я слушал молодых, но довольно известных поэтов: Владимира Горлжца из Астрахани, Татьяну Иванченко из какого не помню города, поэта-концептуалиста Пригова из Москвы и других поэтов. Там же я иногда выступал с некоторыми своими стихами и критическими юморесками. Меня охотно принимали, порой тепло критиковали, эмоционально благодарили и тем самым вдохновляли на новые стихи.

Наиболее активно я посещал такие «тусовки» в 1988 году. Кроме «Ротонды» мне нравилось появляться по воскресеньям в поэтическом объединении «Калина красная» во дворце культуры «Россия» (рук. Александр Георгиевич Свешников). Среди постоянных посетителей были: Вячеслав Борбат, Лариса Грекалова, Игорь Гладырев, Евгений Малякин, Светлана Покровская, Игорь Преображенский, Олег Рогов, Игорь Сорокин, Александр Ханюков, Наталья Проскурина. Там же я слушал первые стихи и рассказы Т. Панковой, С. Латышева, И. Мозина, А. Никитина, В. Лунева и др. В этом объединении устраивались «дни смеха», велся журнал «Литературная учеба». На одном из собраний проведены выборы совета объединения, куда вошли Никитин А.Д., Мозин И.Г., Резникова Д. и еще кто-то, я сейчас не вспомню. Все было на полном серьезе.

Развод с Люсей, развал Советского Союза, бурное наступление рыночных, чаще всего непорядочных, необычных отношений между людьми, между мужчинами и женщинами, обесценивание моральных идеалов, про-

паганда в СМИ свободной, продажной «любви», насилия, безнаказанности в начале девяностых годов повлияли и на содержание моих стихов, на подбор в них слов.

В мае 1994 года, вероятно, от накопленных переживаний и неприятий я перенес обширный инфаркт миокарда сердца.

А через год получил инвалидность второй группы и в декабре того года женился на прекрасной женщине, дружественные и даже близкие отношения с которой к моменту объединения длились уже три года, Василенко Валентине Филипповне. Она до сих пор терпит все мои страсти и увлечения, ночные вскакивания, чтобы записать случайно пришедшие на ум рифмованные строки, и постоянно возникающие, непредвиденные материальные затраты, связанные с моими капризами... Но о ней буду рассказывать немного позже и постепенно. (Фото № 17)

1995, 1996 годы

Первым сборником стихов, выпущенным в свет в 1995 году издательством «Надежда», был сборник «Стихи» тиражом 3000 экземпляров.

На лицевой стороне мягкого переплета зеленого цвета книжки «Стихи» в овале черного кольца изображен мой портрет середины 60-х годов. Содержание книги составляют три раздела:

1. «Печально я гляжу на наше...», который включает в основном политизированные стихи, вызванные отрицательными событиями, связанными с развалом Советского Союза.

2. «Земли утробный слышу крику», посвященный природе, ее страданиям от экологических нарушений.

3. «Единый Бог у нас – Любовь», название которого раскрывает свою тематику. Стихи собраны из черновиков 1967–1995 гг.

Вторая книжка «Томлюсь признанием» издана в 1996 году тиражом 1000 экземпляров в мягком, ламинированном переплете. На первой странице обложки на фоне здания саратовского Крытого рынка (символизирует наступление рыночных отношений во всем) изображен крепкий мужчина, похожий на меня. В правой руке держит весы с двумя чашами. На одной – сияющие кристаллы добра, на другой – куча зловонной коричневой массы зла, которая перевешивает первую чашу. Это – характеристика совре-

менного бытия большинства окружающих меня людей. Сердце мужчины – в оптическом прицеле. Стихи охватывают период жизни от 1978 до 1995 года. Книга включает в себя пять разделов:

1. «Ну, где ты, женщина моя?»
2. «Любите ближних при жизни!»
3. «Сквозь осевые»
4. Поэма «Я помню»
5. Поэма «Мой дом – не только вся Россия»

В обеих книгах стихи дополнены более сорока графическими иллюстрациями, нарисованными пером и тушью лично мной. Тиражировать взялся директор издательства «Надежда» Сидоренко Юрий Иванович. Денег на издание этих книг у меня не было, так как в то время я был практически безработным, и мои случайные заработки сразу тратились на текущие потребности. На мою просьбу к друзьям о помощи откликнулся начинающий бизнесмен, бывший муж моей племянницы и приятель издателя Сидоренко – Ванюков Александр Николаевич. (Фото № 18)

Он подарил мне несколько рулонов газетной бумаги. Но этого оказалось недостаточно и, чтобы рассчитаться с издательством, мне пришлось продать сначала полугодовую автомашину «Таврию», затем участок земли в с. Узморье с недостроенным домом. Тогда они стоили дешево.

В сентябре 1995 года в разделе «Литературная страница» газеты «Автотранспортник» ее главный редактор Борис Тайков показал обложку моей первой книжки и опубликовал сообщение о ее появлении: *«Вышла из печати книга стихов Валерия Буганкова. Валерий Алексеевич много лет работал в системе автомобильного транспорта на различных инженерных и руководящих должностях и... «втихаря» писал стихи. И вот – книжка тиражом 3000 экземпляров.*

Книга сугубо личностная, иллюстрирована автором да и издана на его средства.

Мы не намерены давать ей оценку, а просто предлагаем несколько стихотворений из этой книги». А ниже напечатаны стихотворения «Бумеранг» и «Лишний человек». (Фото № 19)

Полученные из типографии упакованные пачки книг я перевез в опустевший гараж и аккуратно сложил штабелями в сухих местах.

Мысли о том, чтобы на книгах можно разжиться, исчезли сразу, как только появились. Агентство «Союзпечать» после звонка его директору одного из влиятельных моих товарищей согласилось принять в продажу по области не более четырехсот экземпляров. Но только на два месяца по

фото 18.
Ванюков
Александр Николаевич.

фото 19. 1970 г. Редакция газеты «Автотранспортник». А.С. Генсон, Б.Н. Тайков, Н.Д. Шевцов.

цене, вдвое меньшей себестоимости, за вычетом в пользу агентства одной трети выручки от проданных книг и платы за хранение всех непроданных книг в течение этих двух месяцев. Таким образом, за каждую проданную книжку мне приходилось на руки меньше одной пятой от вложенных денег. С тех пор я решил издавать свои последующие сборники небольшими тиражами, не связываться с торговлей и раздаривать их друзьям. Меньше канители, больше уважения и добрых слов.

О первых добрых словах:

Так, далекий от литературы человек, пенсионер, отслуживший в системе МВД не один десяток лет, ходящий с палочкой небольшими шагами, Клюков Иван Леонтьевич, который, судя по всему, старше меня лет на пятнадцать, прочитав первый сборник «Стихи», сам заразился стихами и вскоре прислал мне свой трогательный отзыв:

*«От всей души, сосед любезный,
Прими сердечный мой привет!
Хвала тебе! В наш век железный
Ты дружен с музами, поэт.»*

*Не просто в буднях серой жизни
Хранить святой огонь в груди,
Не зная то, какой Отчизне
Назначен жребий впереди.*

*О, как жестока неизбежность
Судьбины завтрашнего дня,
Но сохранил ты в сердце нежность
И удивил ты, брат, меня.*

*Мой друг, прочтя твою «Гитару»,
Я был мечтами осиян,
Хотелось мчаться тройкой к яру
И слушать, слушать хор цыган.*

*Мечты свежи, как в мае розы,
Они шипами ранят нас,
Когда ж промчатся наши грезы,*

*Покинут радости, то слезы,
Увы, покатятся из глаз.*

*В твоей душе живет Богиня,
Но, причинив такую боль,
Теперь Она – твоя врагиня,
Но любишь все же ее, изволь...*

*Назвать тебя любезным братом –
Я много смелости беру,
Хочу я стать тебе собратом
По вдохновенью и перу!*

*И я Амуром в сердце ранен,
Ты мне напомнил это вновь,
Мой твоему недугу равен:
«Единый Бог у нас – Любовь!»*

*Твоей души святые муки
Я, как свои, могу понять,
Их лучше нас гитары звуки
Способны тонко передать.*

*Лелей всегда свою гитару,
Люби ее волшебный звук,
Преодолей судьбы удары,
Не выпускай ее из рук.*

P.S.

Уважаемый Валерий Алексеевич!

Ваши стихи волновали не только Вас, но нашли живой отклик в душах Ваших читателей. Я полагаю, что у Вас найдется достаточно таких же прекрасных стихов, чтобы издать вторую книжку».

Одна читательница, получив в подарок сборник стихов «Томлюсь признанием», через несколько дней при случае вручила мне тоже стихотворный отзыв:

*«Валерий Алексеич Буганков
Со сборником признания в томленье
Достоин лент и лавровых венков,
И всяких прочих знаков одобренья.*

*Я Вас прошу – не хмурьте грозно бровь,
И строгий критик здесь совсем не нужен –
Но больше удалось Вам про любовь,
А про борьбу и труд чуть-чуть похуже.*

*Вы легкомысленны и в жизни, и в стихах,
Бог не осудит Вас за сладкие минутки,
Как там у Вас все получалось? – Трах!
В конце ж еще мораль для проститутки!*

*Стихи читаются легко и очень ловки,
В них и судьба, и опыт, и мечты,
У большинства – счастливые концовки,
И, в общем, очень много доброты!*

*P.S.
Еще сюда добавим меда ложку –
Вы очень вкусно жарите картошку!*

Арефьева Н.В.

Конечно, такие добрые отзывы были мне приятны.

Один из старейших приятелей Кузнецов Сергей Павлович, член Союза журналистов РФ не раз приглашал меня выступить со стихами в санатории «Волга», в Ново-Бурасском и Усть-Курдюмском домах культуры, в зале Отдела социальной защиты населения Фрунзенского района г. Саратова, в санатории «Октябрьское ущелье» и в других местах. (Фото № 20)

Об одном из таких выступлений корреспондент Ново-Бурасской газеты «Наше время» Николай Чугунов 18 ноября 1995 года написал в статье «Лирики чарующие звуки»: «Во втором отделении встречи свое творчество представил саратовский поэт В. Буганков. Нужно сказать, что Валерий Буганков, питая огромную любовь к поэзии, продал автомобиль и на вырученные деньги издал сборник своих стихов трехтысячным тиражом. Случай, согласитесь, незаурядный».

Незадолго до этого сосед по даче, которую мы с Валентиной Филипповой начали в то время строить, Коршунов Валерий Викторович, по кличке «кудрявый» или «белый орел», свел меня со своим другом, поэтом Авиловым Владимиром Георгиевичем. Через него, начиная с 1996 года, я стал вхож в Саратовскую писательскую организацию Союза писателей РФ. Я познакомился с ее председателем Сафроновым Виктором Николаевичем, очень добрым человеком, известным саратовским писателем. С его секретарем Шульпиным Иваном Васильевичем, при наличии шикарного чуба и стриженной бородки, – приятным интеллигентом. С делопроизводителем, заботливой хозяйшкой места встреч саратовских писателей – Барабановой Ольгой Егоровной и бухгалтером организации – Бусыгиной Верой Дмитриевной, строгой и не переваривающей запаха мужских духов женщины. В кабинете Сафронова стоял большой бюст поэта Исаия Тобольского, на стене висел огромный портрет бородатого писателя Григория Ивановича Коновалова.

Я начал посещать поэтическую студию, которую вел сначала кандидат филологических наук, член Союза писателей Российской Федерации (СП РФ) Азанов Владимир Иванович, умнейший, неконфликтный человек. Затем поэт, отличный оратор, трибун, член СП РФ Байбуза Николай Сергеевич. Всем, с кем там мне удавалось познакомиться, как визитные карточки, я дарил свои первые книжки. И Малохаткину Ивану Ивановичу, и Палькину Николаю Егоровичу, Преображенскому Юрию Владимировичу, Азанову Владимиру Ивановичу, Иванченко Леониду Матвеевичу, Каримовой Людмиле Михайловне, Масяну Владимиру Васильевичу, Удину Яше и другим. Председатель Саратовской писательской организации СП РФ Сафронов В.Н., почитав первую книгу, сказал: *«Хороший сборник, особенно в нем мне понравился «Топляк».* Мне все улыбались, но я чувствовал своим затылком пристальные и недоверчивые взгляды некоторых членов писательского общества. Мне лично это не мешало с первых встреч считать многих из них моими новыми друзьями и искать общения с ними. Я охотно фотографировался в их разношерстной компании, с удовольствием вносил свой вклад в сервировку порой полупустого стола с явным дефицитом закуски, вскоре вступал в яростные полемики, затем трогательно мирился с окружающими меня «классиками» и «гениями». (Фото № 21)

На мои шутки, типа:

«Богема – разве жизнь художнику, поэту?

На водку наскребут, а на закуску... – нету!», – мне кажется, в открытую никто не обижался.

Однажды я встретился с директором Саратовского радиотелевизионного центра Филипповым Анатолием. Когда-то вместе с Ерошкиным Г.М. мы ездили на съемки в Хвалынский район. Он тогда был простым корреспондентом. А сейчас, узнав о первых моих книжках, предложил к моему дню рождения сделать телепередачу, выделил ведущего А. Веретенникова и оператора Л. Львова. Снимали по пути на мою дачу и на даче. У меня сохранился сценарий телепередачи.

«Корр. за кадром:

Звучит фрагмент куплета песни В. Высоцкого «Дорожная история».

Участок шоссе. Автомобили. Деревья. Переход на Буганкова. Разные планы.

Ведущий: «...Инженер-автотранспортник Валерий Буганков решил испытать себя еще в одной ипостаси – оседлать строптивого Пегаса. Но взлететь на этом норовистом коньке к высотам Парнаса – задача не из легких».

Он на садовом участке. Разные планы. Сборник стихов на столе.

«Все же Валерий рискнул. На суд читателя он представил два поэтических сборника».

Буганков. Дерево.

«В стихотворении «Бег», а оно, пожалуй, программное в его творчестве, есть такие строки»:

Синхрон. Буганков читает стихи:

*«Локтями разрывая пустоту,
Бежал от притязаний злого рока,
Дорожку занял в спешке я не ту
И вынужден бежать против потока».*

Корр. за кадром:

«Согласимся. Против потока всегда трудно. Всегда с усилием. Но именно в этом противостоянии и обретает себя человек. Становится личностью».

Волга. Берег. Песчаная отмель.

«Напряженна его любовная лирика. А ей в сборниках отведено, наверное, самое главное место».

Рисунок из сборника. Буганков в кадре читает фрагмент стихотворения:

«Я утонул в зрачках, как в тысяче глубин,

*Сомкнулись надо мной ее ресницы,
И жуткий холод тысяч черных льдин
Сковал меня на миг в своей гробнице».*

Волжский пейзаж.

«...Поэт и природа. Это всегда символ единения. Валерий Буганков в своих поэтических опытах – не исключение».

Различные планы. Чтение стихов автором идет за кадром:

*«Мой Бог – Любовь, единственный создатель
Меня из ничего, из облаков,
Из вод речных, волны и чистой глади
И из прибрежных илов и песков.
Из сладких соков трав, кустов, деревьев,
Из ароматного дыхания цветов,
Из звезд ночных и алых зорь вечерних,
Из жажды встреч и из безумья слов».*

Дорога. Машины. Различные планы.

*«Меня не мучил – быть, не быть – вопрос,
В любой борьбе и раньше был я стойкий,
Но темпы ускорял мой страшный кросс,
Открыто вторя бурной перестройке...»*

Буганков на природе.

«Дай Бог Вам, Валерий, новых строк и вдохновения, а не бездарного и бесцельного времяпрепровождения! Удач!»

Это была первая творческая телепередача. Ее многие посмотрели. Она им понравилась, и они были, как мне казалось, рады за меня.

Перед новым 1998 годом за праздничным столом мне подарили экземпляр Информационного вестника «Литературный Саратов», выпуск второй за 1996–97 гг. Он был в твердом, синем переплете. На первом развороте девять саратовских писателей поставили мне свои памятные, праздничные автографы:

«Вал. Буганкову – на добрую память и с надеждой, что мы будем коллегами. В. Сафронов».

«Валера! Если у меня есть сердце, то в нем есть уголок для тебя! И. Шульпин».

«За встречу! На память о саратовском писательском сословии!» Подпись не разборчивая.

«Поэту Б. От прозаика П – Ю. Преображенский».

Там же были автографы Н. Байбузы, О. Барабановой и еще чьи-то. Для меня такие надписи были очень нужны и приятны. Во время одной из таких встреч В.И. Азанов предложил мне вступить в члены Союза писателей России и через несколько дней принес мне свою рекомендацию:

«Имя этого поэта стало известно после выхода его двух довольно объемистых поэтических книг («Стихотворения» и «Томлюсь признанием»), выпущенных издательством «Надежда». При всем их тематическом разнообразии, одна из тем является все-таки главенствующей (особенно во втором сборнике), которая явно преобладает над остальными. Я имею в виду тему любви, хотя нескончаемая цепь переживаний, встреч и разлук лирического героя временами настолько обнажена, выставлена с такой шокирующей откровенностью, что это не могло не эпатировать наиболее пуритански настроенную часть читателей. Впрочем, интимная лирика всегда вызывала разноречивые мнения (вспомним хотя бы уже несколько подзабытого, прекрасного поэта Василия Федорова, интимные стихотворения которого критика иронически окрестила «репортажами из собственной постели»).

Правда, ныне другие времена. На фоне того мутного порнографического потока, что льется с экранов телевизоров и страниц желтой прессы, самые смелые поэтические откровения кажутся бледноватыми. Тем не менее, надо признать, что в этой сложной и скользкой теме легко переступить грань эстетически дозволенного, обратиться в голый натурализм.

Любовь в изображении В. Буганкова – это любовь греховная, плотская. Любовь в духе «Декамерона» Боккаччо, такая, какой она впервые явилась нам в эпоху Ренессанса. Но нельзя не обратить внимания и на ту естественность, с которой автор становится в позицию беспощадной откровенности не только к женщинам, но и к самому себе. Писать о любви для него так же естественно, как говорить и дышать. Это то главное, что возвышает его в текучке повседневной жизни, делает жизнь заманчивой и многоцветной, окутывает теплым флером таинственности самое обыкновенное проявление текущего дня.

*Я в гонках был непобедим,
От скорости машина пела,*

*Когда ты рядышком сидела...
Запомни ты меня таким.*

В стихах В. Буганкова мы встречаем настоящий культ обнаженного женского тела. Он заворожен и околдован слепящей магией женской красоты.

*Сквозь родники зрачков раскрою тайну
Иль заблужусь в ресницах, как в лесу,
Навстречу брошусь ваших губ желанью
И все на белый лист перенесу.*

Хотя надо признать, что дело у него не обходится без перехлестов или обыкновенного ерничества.

Много стихов В. Буганкова созданы в русле так называемой «фельетонной поэзии», обращенной к событиям, на которых, говоря словами Герцена, еще не запеклась кровь. Отдавая должное публицистическому темпераменту автора, его умению облекать изображаемое в сатирические краски, надо все-таки заметить, что жизнь подобных стихотворений недолговечна. Она ограничена обычно рамками злобы дня, о которой быстро забывают.

Оценивая оба сборника Валерия Буганкова в целом, полагаю, что он достоин быть принятым кандидатом в члены Союза писателей России.

*В.И. Азанов,
кандидат филологических наук,
член Союза писателей России,
членский билет №1012»*

Эта рекомендация давала мне надежду на получение подобных рекомендаций от других членов Союза писателей. Но пока я был скромным и сдержанным в своих желаниях и самооценках, прислушивался к их советам и наставлениям.

С 1998 года

Я с радостью при случае продолжал дарить всем свои первые книги и с благодарностью принимал такие подарки от авторов. В то время особенно дорого и ценно было получить от Ивана Малохаткина его сборник стихов

«Избранное», на развороте которого он собственноручно написал: *«Валере Буганкову – я очень верю в Ваш талант – дай Вам Бог прозрения и силы! Ваш Ив. Малохаткин. 20.03.98 г.»* Эта книга стала предметом моей гордости и глубокого изучения и добавляла уверенности в своем планомерном восхождении к собственному мастерству. Она стала моим учебником, а ее автор – образцовым творцом современной высокой поэзии.

26 августа 1998 года меня пригласили на банкет в честь 60-летия председателя Саратовской писательской организации Виктора Николаевича Сафронова. Праздничный стол был накрыт в выставочном зале Дома народного творчества на ул. Радищева. Среди поздравляющих были все известные саратовские писатели, издатели, художники, редакторы некоторых газет и журналов и деятели культуры: Палькин Н.Е., Малохаткин И.И., Преображенский Ю.В., Байбуза Н.С., Анна Дубчак и другие. (Фото № 22)

Я сидел рядом с секретарем писательской организации Иваном Васильевичем Шульпиным. Мне, как равному, дали слово, и я зачитал юбиляру свое стихотворное посвящение.

«В порывах вихрей жизни годы мчатся,
Как с яблонь сдутый ветром белый цвет,
Но иногда нам будет вспоминаться
Пьянящий аромат прошедших лет.

А их промчалось только шесть десятков,
Мы не успели даже жизнь вкусить,
Сейчас едва ль рискнем сплясать вприсядку
Иль молодую прелесть обольстить.

Ты все ж успел в своем явленье скором
Украсить противоречивый век,
И пусть не стал каким-нибудь собкором,
Но состоялся ты, как человек.

И пусть мы орденов не получали,
Их получал кометы нашей хвост,
Мы счастье из сердец всем излучали
И были счастливы, летая между звезд.

Но, восхищаясь разумом крылатым
И зная, что твой гимн еще не спет,
Я, круглую твою встречая дату,
Желаю быть здоровым много лет».

Было прекрасно, солидно и весело. Там я сразу подружился и несколько раз танцевал с певицей Саратовской филармонии, очаровательной Риммой Васильевной Сергадеевой и поэтессой Галиной Александровной Хотинской, приехавшей из Германии, где она добилась больших успехов в литературе и стала лауреатом каких-то премий. (Фото № 23)

На память я им подарил по два своих сборника стихов. А в подарок от Хотинской у меня остались два сборника ее стихов: «Осуществление», изданный Немецким культурным центром в 1992 году. Предисловие к книге написано Исаем Тобольским. И «Роза ветров», изданная этим же издательством. На обложке первой книжки она сделала памятную, шутливую запись в стихах:

*«Валерий Буганков,
Ах, кто его не знает,
Любви из знатоков,
Ее он прославляет,
Расскажет и покажет
И, как туман, в постель,
Измученный, приляжет.
Будь, Буганков, всегда
Упорным и задорным.
Горят, поют года,
А ты будь непокорным,
Назло годам, судьбе
Куй весело и смело
Отборные стихи,
Вакхически умело.*

*Август 1998 г.
Подпись»*

На лицевой странице второй книжки красной ручкой написала:

*«Буганкову от автора.
Мусье Валерий Буганков!*

*Вы – местный Барков,
А Барков
В подметки к Вам и не годится,
А он, стремительный, как птица,
В экстазе творчества томится.*

1998 г. Хотинская»

Перед отъездом она подарила мне свой научный труд «Художественное время как эстетический феномен» (Опыт эстетической хронологии), под редакцией заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора философских наук, профессора Я.Ф. Аскина. На титульном листе большой книги, объемом более 300 страниц, ее рукой написано:

«Валерию Буганкову на добрую память с пожеланием счастья!

*И манит будущее нас,
И дарит прошлое богатством,
А настоящее, как братство,
Ответственности ждет сейчас!*

30 сент. 98 г.»

Галина оставила у меня в душе хорошую, радостную память.

По просьбе детского поэта и писателя Юрия Борисовича Кочетова я иллюстрировал его сборник сказок «Белохвостая сорока». А поэту Владимиру Георгиевичу Авилову – сборники стихов «Всплески» и «Проза в стихах». За это авторы подарили мне эти сборники со своими автографами. И, когда я их прочитал от корки до корки, полюбовался знакомыми мне иллюстрациями, обратил внимание на то, что ни один из них не упомянул моей фамилии, как автора рисунков. Я не обиделся, но честолюбие немного кольнуло меня.

Каждый раз, посещая гараж, в котором размещался погреб с запасом продуктов, я уносил с собой пачками свои книги и дарил друзьям в дни рождения и просто симпатичным, незнакомым людям. А иногда, чтобы избежать или снизить наказание за нарушение Правил дорожного движения, с удовольствием дарил их ГАИшникам, потом ГИБДДшникам. Некоторые из них приговаривали: «*Да я книг не читаю*», но от такого подарка не отказывались, ведь это – не взятка. Интересно то, что благодаря своим книжкам, мне стало легче знакомиться и сходить с людьми.

Случилось как-то мне разговориться
Непринужденно, искренне, легко
С молоденькой красивой продавщицей,
Бурлили в ней и кровь, и молоко,

Которыми она меня поила,
Но поперхнулся я, смутившись, вмиг,
Когда девчонка гордо заявила,
Что ни стихов не любит и ни книг,

Что голову свою не забивала
Чужими выдумками никогда,
Что зарабатывает очень мало,
И за любовь ей платят не всегда.

Приходится мириться и с насильем —
Что слезы бесполезно проливать!
Да, да, кому-то в нынешней России
Людьми такими легче управлять.

Эти первые, да и несколько последующих моих книг были поставлены Ольгой Барабановой на стенд «Новинки литературы». Каждый, кто приходил туда, мог взять со стенда и полистать их. Всем нравились мои рисунки, наверное, даже больше, чем сами стихи, т.к. о стихах многие из них просто помалкивали. Да какому поэту, члену Союза писателей могут понравиться стихи новичка? Каждому из них казались гениальными только его стихи, и он с трудом выслушивал стихи таких же, как он, «гениев». Хотя уже тогда я принимал участие во всех официальных и неофициальных встречах и порой затяжных «чаепитиях» с матерыми литераторами области.

1999 год

А однажды я прочитал рецензию на мои первые два сборника, опубликованную в «Деловой газете» № 5 за февраль 1999 года, «Анатомия любви» (заметки об интимной поэзии Валерия Буганкова) Владимиром Ивановичем Азановым: *«При всем тематическом разнообразии выпущенных из-*

дательством «Надежда» двух поэтических сборников Валерия Буганкова («Стихотворения» и «Томлюсь признанием») одна из тем все-таки является нередко главенствующей, явно преобладающей над остальными. Я имею в виду тему любви, которая выливается (особенно во втором сборнике) в нескончаемую цепь переживаний, встреч, разлук и неизбежных при этом мук и терзаний лирического героя.

Как ни странно, но в нынешней поэзии о любви стали писать довольно скупо. А если и пишут, то выражают ее то в сверхусложненной словесной невнятице, как у метафористов («метафорическое жире», как называл это Корней Чуковский), то в инфальтильном сюсюканье и кривлянии, что характерно для непомерно распространившейся ныне так называемой «попсовой» поэзии, главная цель которой – стать незамысловатой стихотворной основой какого-нибудь шлягера.

Между тем, как справедливо замечал Александр Блок, любовь и смерть – вот две самые главные темы для поэзии.

При чтении поэтических книжек В. Буганкова невольно отмечаешь, что писать о любви для него так же естественно, как говорить и дышать. Для него это нередко то главное, что возвышает его в толкучке повседневных дел, делает жизнь заманчивой и многоцветной, окутывая теплым флером таинственности и непредсказуемости самое обыкновенное проявление текущего дня. Это то, что помогает «взять тоном выше» наше существование, говоря словами Иосифа Бродского.

Мир чувств автора не знает ограничения ни во времени, ни в пространстве. Это и долгие счастливые годы совместного бытия со своей любимой, но это может быть и всего лишь один мимолетный взгляд проходившей женщины, что «ослепил на краткое мгновенье». Это тоже короткая, но яркая вспышка любви. И пусть она не знала ни начала, ни продолжения, но тем не менее навсегда оставила свою метку в той бездонной, чувственной сфере, которую со времени Тютчева мы называем «памятью сердца».

Надо сказать, что любовь в изображении В. Буганкова – это часто любовь греховная, плотская. Любовь в духе Боккаччо и Декамерона, какой она впервые явилась нам в эпоху Ренессанса. Поэтому в стихотворениях присутствует настоящий культ обнаженного женского тела. Автор нередко заворочен и околдован слепящей магией женской наготы. И думается, лучшие строки выходят из-под его пера там, где, отрываясь от всего низменного, материального, он возводит женское тело в предмет чисто эстетического наслаждения, когда ему, к примеру, хочется не только запечатлеть в строке, но тут же взять и нарисовать его:

*Сквозь родники зрачков раскрою тайну
Иль заблужусь в ресницах, как в лесу,
Навстречу ль брошусь ваших глаз желанью
И все на белый лист перенесу.*

Надо заметить, что В. Буганков является довольно искусным рисовальщиком. Все рисунки в сборниках выполнены им самим. Отсюда идет, вероятно, его стремление придать некую зримость своему поэтическому восприятию.

Марина Цветаева как-то заметила, что написать эротическое стихотворение для француза — привычное дело. Если же за него берется русский, то у него нередко получается что-то неприличное. Увы, история русской эротической поэзии, начиная с небезызвестного Ивана Баркова, дает немало тому подтверждений.

Не всегда умеет удержаться на тонкой грани эстетически дозволенного и В. Буганков. Отсюда и безвкусный повтор приевшихся натуралистических подробностей в постельных сценах, и нередко проявляемое стремление к крепким, «заборным» словечкам. В таких случаях анатомия любви переходит в просто анатомию, что, конечно, отнюдь не способствует эстетическому восприятию.

Вспомним, что в своей знаменитой эротической поэме «Сашка» прекрасный поэт первой половины прошлого века А. Полежаев вообще не употреблял ни одного матерного слова. Тем не менее, описание интимной близости в этой поэме относится, на мой взгляд, к числу лучших в русской поэзии, ничуть не уступая своим самым знаменитым французским поэтическим аналогам.

Говоря о форме стихотворений В. Буганкова, я бы хотел отметить, что, несмотря на преобладающий реалистический настрой, стремление достичь художественного эффекта самыми простыми образными средствами, не чуждается он и определенных стилистических изысков, выстреливая, к примеру, стихотворение из одних глаголов:

*Не отжилось, не отстрадалось,
Пока еще не отждалось,
Пока что не отцеловалось,
Не отхотелось... лось... лось...лось!*

Вместе с тем именно к форме стихотворений можно предъявить наибольшее число претензий. Хотелось бы на будущее посоветовать ав-

тору не торопиться сразу ставить в сборник сработанный, так сказать, с пылу-жару стих. Иногда стоит дать ему полежать, чтобы потом вновь вернуться и доработать, а точнее, – дочувствовать его. Ибо поэтическое чувство нередко пропадает у автора в толчее неупорядоченных, наспех подогнанных слов, строк и рифм.

В этом смысле В. Буганкову стоит подумать и о том, надо ли было давать все стихотворения в авторской редакции. Не лучше ли было бы в отдельных случаях обращаться за помощью к многоопытному редактору. Ибо последний видит в стихе гораздо больше и глубже, хотя бы потому, что это взгляд со стороны, без которого не могут обойтись самые большие поэты».

Это уже серьезно и обнадеживающе!

Жизнь летела. Мне нравилось работать в Министерстве транспорта и связи области, куда меня пригласил прежний и даже первый по счету министр Абрамов А.С. на должность консультанта по пассажирским автоперевозкам. Нашей задачей, по его словам, было сохранить общественный пассажирский автотранспорт для народа. Отвечая на многочисленные жалобы пассажиров, связанные с неизбежным для того времени развалом транспорта общего пользования, я имел возможность встречаться с руководителями сохранившихся автотранспортных предприятий, многие из которых начинали свою карьеру в мою зрелую бытность. А теперь я восхищался их мужеством и предприимчивостью, направленными на сохранение и выживание отрасли. В свободное от выполнения служебных обязанностей время я сочинял им посвящения и поздравления с днями рождения. Под Новый год выпустил стенную газету, в которой нарисовал портретики всех работников Министерства и сочинил от их имени стихотворные пожелания к Новому 1999 году – Году Кота. Газетой были довольны все, кроме нового министра Васильева Валентина Михайловича, который был изображен в центре в облике Деда Мороза. Наверное, Васильев посчитал, что этим я его унизил перед подчиненными.

На третий день весны 1999 года умер Боря Тайков, автомобилист, поэт, мой сотрудник и приятель. На его похоронах мне дали слово:

«Язык не в силах выговорить фразу:
«Прощай, Борис Тайков, прощай, поэт!»
Не верится, чтобы тебе ни разу
Не встретить больше утренний рассвет,

Что не смогу крутнуть к тебе на дачу,
Чтоб обсудить под рюмку альманах,
Газету или телепередачу,
Что на твоих стою похоронах.

Скорблю, Борис, в руках сжимая шапку,
Не пробудить тебя мне ото сна,
Чтоб ты потрогал свеженькую травку,
Которую родит эта весна,

Последняя весна тысячелетья,
Чтоб ты услышал мирный вой сирен
И скоро с нами стал живым свидетелем
В стране хороших новых перемен.

Мои слова звучат сегодня глухо,
Прощай, прощай, коллега дорогой,
Как говорят, земля пусть будет пухом
И нерушим твой будущий покой!»

В то время мои стихи охотно печатала областная газета «Коммунист» (гл. редактор – Голяков А.Н., пред. совета редакции – Рашкин В.Ф.). У меня сохранилось несколько газет за 1999 год:

№ 36 – в рубрике «Литературная гостиная» опубликованы мои стихи: «Без вождя», «Песенка о деньгах», «Прощеное воскресенье».

№ 39 – в рубрике «Поэтической строкой» напечатано стихотворение «Наступающему году Дракона».

№ 40 – в рубрике «Поэтической строкой» – стихотворение «Звучат пусть тосты!», а в рубрике «Фотовернисаж «Хорошее настроение» – отрывок из стихотворения «Восторг», которое я написал для своей супруги Валентины Филипповны:

«Ну, прикуси чуть-чуть мне сонную артерию,
Притормози на миг бурлящую в ней кровь,
Шепни устами сладкими мне серию
Лишь для меня понятных, глупых, нежных слов.

Пахни мне в нос французскою косметикой,
Ресничек кисточками щеки обласкай,

И карих глаз сложнейшей кибернетикой
Смелей в мои глазные недра проникай».

Пятый номер Литературно-художественного альманаха «Саратов литературный» в 1999 году опубликовал подборку из восьми моих стихов: «Озарение», «Одинокий пруттик», «Казалось, что в руках жемчужину держал...», «Кружит опять событий быстротечность...», «Не пользуясь услугами стоянки...», «Март, коты дуэтами запели...», «Топляку». В конце – мой портрет и краткая биографическая справка.

И вот, наступило 2 июня 1999 года, мой 60-летний юбилей, 37 лет трудового стажа. К этому дню готовились все мои друзья во главе с начальником Государственного унитарного предприятия (ГУП) «Саратовтрансавто» Валентином Федоровичем Кузнецовым, сбросились на прекрасный банкет. Поздравить меня съехались со всей области директора грузовых и пассажирских автохозяйств, представители различных производственных и общественных организаций. Всего около ста человек. В столовой ГУПа буквой «Ш» установлены накрытые столы, где в центре основания буквы посадили меня с красавицей-супругой Валентиной Филипповной. Сзади нас на стене из цветных надувных шаров сияла цифра «60». Справа от меня сидели: министр Васильев В.М., Кузнецов В.Ф., бывший министр Абрамов А.С. Слева от Валюши: замминистра Кудряшов В.В., зам. начальника облГАИ Кондратьев С.В., от Союза писателей РФ – поэт Байбуза Н.С., от Союза художников – Г. Александрочкин, от правительства области – Мороз В.А. За перпендикулярными рядами столов сидели остальные гости, друзья, директора автопредприятий, организаторы этой памятной встречи.

Во вступительном слове Васильев коротко напомнил всем мою биографию и высказал хорошие пожелания, сам зачитал свой короткий приказ № 17-к от 31.05.99 г.: *«За долголетний, добросовестный труд и в связи с 60-летием со дня рождения ПРИКАЗЫВАЮ:*

1. Наградить почетной грамотой министра транспорта и связи области консультанта отдела транспорта Буганкова Валерия Алексеевича.

2. Премировать денежной премией в размере четырех минимальных заработных плат.

3. Приказ довести до всего личного состава Министерства», и вручил мне почетную грамоту.

В заключение сказал: *«Валерий, ты будешь работать в министерстве столько, сколько сам пожелаешь»* – под бурные, всеобщие аплодисменты

он обнял и поцеловал меня, чокнулись и выпили. Эти слова пришлось мне запомнить надолго. (Фото № 24)

Следующий, Валентин Федорович Кузнецов, зачитал приказ министра транспорта Российской Федерации С. Франка и, добавив от себя несколько приятных слов, вручил мне копию этого приказа, удостоверение и знак Министерства транспорта РФ «Почетный автотранспортник», поцеловались, чокнулись, выпили. (Фото № 25)

В общем, поздравили меня все приехавшие. Встав из-за стола, подходили, произносили тост, дарили адреса, открытки, коробочки и пакеты, целовались многие в губы, чокались со мной, выпивали и отходили. Валя складывала все на стол и сзади стола. Мне, конечно, дорого каждое поздравление, но вспомню некоторые из них.

Помощник губернатора, бывший начальник горГАИ Василий Адамович Мороз, с которым нас связывают давние, очень приятные встречи, сказав несколько поздравительных слов, вручил мне наручные часы «От губернатора».

По поручению директора Академического театра юного зрителя им. Ю.П. Киселева (ТЮЗа) Валерия Николаевича Райкова, с которым я познакомился на похоронах старшей артистки ТЮЗа Немцовой В.С., его заместитель зачитал приветственный адрес, вложенный в белые корочки, где на глянце золотом оттеснена цифра «60».

Заместитель начальника УГИБДД Сергей Владимирович Кондратьев, который более 10 лет назад разбирался с одним из моих давних ДТП, в котором, кстати, я не был виновным, зачитал:

«Уважаемый Валерий Алексеевич!

От имени коллектива ГИБДД области поздравляю Вас с памятной и юбилейной датой – 60-летием!

*Вам 60, пусть эта дата
Не даст Вам повода скучать,
Нам всем приходится когда-то
Такие даты отмечать.
Примите скромные цветы
За то, что жизнь не зря живете,
За совершенные труды,
За то, что с веком в ритм идете.
Ваш опыт жизненный богатый
Прелестно украшает Вас,*

*И мы сегодня с круглой датой
Вас поздравляем в этот час!
За труд Ваш многолетний и большой,
За Вашу скромность и за Ваши званья,
За столько книг, написанных с душой,
Вам – благодарность наша и вниманье!*

Подпись»

Начальник отдела перевозок Министерства, в котором я работал, Владимир Александрович Привалов повесил мне на шею огромную бронзовую медаль «За добросовестно прожитые годы» и вручил диплом, на котором написано: «Выдан Буганкову Валерию Алексеевичу в том, что он прошел 60-летний рубеж на оценку «отлично» и перешел в следующую фазу своей жизнедеятельности.

К диплому прилагается медаль «За добросовестно прожитые годы», которая выдается особо отличившимся гражданам области при достижении середины жизненного пути, проявившим лучшие человеческие качества, как то: скромность, гостеприимство, трудолюбие, себялюбие, любвеобилие и многоженство, сохранившим при этом нескрываемый интерес к женщинам, а также добившимся выдающихся успехов в самогоноварении» – отдел наград Министерства транспорта и связи области.

Он важно чокнулся со мной, учтиво нагнулся и поцеловал...ручку Валентине Филипповне.

Калинин Николай Петрович, консультант по железнодорожным перевозкам Министерства, лет на шесть постарше меня, седой, очень симпатичный мужчина, вероятно, от меня заразившись стихотворством, прочитал:

*«Будто бы сказал начальник наш большой:
«В Министерстве новый дед!»
Не так – он молод телом и душой,
К тому же он – поэт.
И это может подтвердить
Жена его в расцвете лет,
А дам прекрасных убедить –
На практике сам дед.*

И далее:

Поздравляю с юбилеем Вас! —

Это раз.

Хочется сказать Вам приятные, ласкающие сердце слова —

Это два.

Чтоб оставались Вы таким же всегда впереди —

Это три.

С Приваловым жили в дружбе и с Кузнецовым в мире —

Это четыре.

«Опель» выгодно продать —

Это пять.

Чтоб друг издал Вам третью книгу,

включив в нее, что есть, —

Это шесть.

Чтоб Вы книги с радостью дарили всем —

Это семь.

Были здоровы, элегантны, всегда в нормальном весе, —

Это восемь, девять, десять.

И к этому еще в придачу: счастье, радость и удачу.

И, если слова эти Вам по душе пришлись,

Предлагаю всем выпить, чтоб они сбылись!»

Вот молодец!

От Саратовской писательской организации поэт Байбуза Николай Сергеевич своим раскатистым баритоном обратился ко всему залу:

«Сначала зачитаю поздравление, переданное председателем нашей организации Иваном Васильевичем Шульпиным, он сожалеет, что не может поздравить нашего юбиляра сам:

*«Растолкуй мне, о, праведный Боже,
Ведь такое не скажут друзья, —
Раньше было мне многое можно,
А теперь почему же нельзя?»*

*Между девушек милых, пригожих
Я сновал, словно лодка, скользя...
Растолкуй мне, о, праведный Боже,
Почему же теперь-то нельзя?»*

*В спорах редко бывал осторожен,
Пил вино, свое сердце дразня,
Растолкуй мне, о, праведный Боже,
Почему же теперь-то нельзя?*

*То ли стал я характером строже,
То ли годы мне пальцем грозят...
Растолкуй мне, о, праведный Боже,
Почему же, как прежде, нельзя?»*

После этого он развернул большую художественную открытку, сначала, оторвавшись от нее, изрек: «Такие многоплановые люди, как производитель и поэт Валерий Буганков, должны быть занесены в Красную книгу!» и зачитал:

«Дорогой Валерий Алексеевич!

Писатели Саратова знают Вас, как поэта, автора поэтических книг: «Стихотворения» и «Томлюсь признанием», и надеются, что книги будут еще, и, конечно же, про любовь! Сердечно поздравляем Вас с днем рождения, с первым 60-летием! Счастья, здоровья, творческих успехов!» Здесь восемь подписей: Сафронов, Шульпин, Яша Удин и другие.

И от себя:

*«Ломают сталь дороги-недороги
Лишь у того, кто едет как-нибудь.
Твои стихи – как русские дороги –
Они для тех, кто точно знает путь.*

*Ты знаешь жизнь от края и до края,
Не бьешь челом заезжим мудрецам.
Профессия твоя – одна такая:
Художник по моторам и сердцам.*

*Художник Буганков, владелец «Нивы»,
Жалей людей, бредущих наугад,
Люби, художник, ярко и счастливо!
Мир без любви – лишь мат и сопромат!
– Николай Байбуза!»*

Подошел, протянул мне листки с поздравлениями, чокнулся, поцеловал и выпил из рюмки одним глотком все содержимое.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
От автора	6
Первые капли.....	8
Родники.....	18
С 1961 г.	18
С 1967 г.	20
С 1975 г.	23
1976 г.	27
1980 г.	30
1982 г.	31
С 1986 г.	32
1995–96 гг.	35
С 1998г.....	45
1999 г.	49
2000 г.	68
2002 г.	84
С 2003 г.	95
2005 г.	106
2006 г.	120
2007 г.	138
2008 г.....	203
Олеся.....	232
Музей.....	241
Эпилог	333
Послесловие	337
Изданные книги.....	339
Публикации в периодических изданиях.....	340
Выступления и авторские вечера.....	340
Перечень подаренных мне книг.....	342